This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK
262
N3

DK262 .N3

YC 72266

DK
262
N3

UC-NRLF

$B 81 805

YC 72266

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·

Б. Э. Н.

Самодержавіе и трудовая республика

Книгоиздательство
„Правда"
1907.

Цѣна 15 коп.

[Б.З.Н.]

Самодержавіе и трудовая республика

UNIV. OF CALIFORNIA

Книгоиздательство „Правда“ 1907.

[ХАРЬКОВЪ.
Типографія К.Н.Б[illegible]
Екатеринославская, 16]

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED
1995

BANCROFT LIBRARY

UNIV OF
CALIFORNIA

DK262
N3

I. Царскій родъ.

Во всѣхъ учебникахъ русскихъ народныхъ школъ написано, что болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ наши предки изъ-за моря позвали княжить у себя варяга Рюрика. Варяги—это тѣ же шведы, которые послѣ воевали съ русскими много разъ при Александрѣ Невскомъ и Петрѣ Великомъ. Отъ этого Рюрика происходятъ всѣ русскіе князья и цари, въ томъ числѣ и Владиміръ Святой, Дмитрій Донской, Иванъ Грозный и прочіе. Всѣ они гордятся тѣмъ, что родъ ихъ тянется болѣе тысячи лѣтъ и что у нихъ знаменитые предки. Они хвалятся тѣмъ, что они происходятъ отъ Рюрика и называютъ себя рюриковичами. Между ними есть и больные, и злые, и развратные, и трусливые, и глупые, и вовсе идіоты и сумасшедшіе, но всѣ они считаютъ себя достойными богатствъ, власти и поклоновъ, потому что ихъ предокъ—Рюрикъ. Къ Рюриковичамъ принадлежалъ и родъ Романовыхъ, изъ котораго двѣсти лѣтъ тому назадъ русскій народъ выбралъ себѣ въ цари Михаила Федоровича.

Всѣ предки Романовыхъ, хотя и происходили отъ шведа Рюрика, всегда женились на русскихъ дѣвушкахъ, поэтому, само собой разумѣется, что родъ ихъ совершенно обрусѣлъ и шведской крови въ нихъ осталось очень мало. Романовы по справедливости могли считать себя чисто русскими людьми.

Но такъ шло до Петра Великаго. Петръ Великій объявилъ себя русскимъ императоромъ и ввелъ въ Россіи иностранные порядки. За границей же существуетъ законъ, который свято соблюдается всѣми царями. Заключается онъ въ томъ, что цари и не только цари, но и всѣ царскіе родственники, такъ называе-

M303852

мые принцы крови, могутъ жениться только на дѣвушкахъ царскаго же рода: иначе они теряютъ свои царскія права. Если царь женится на дѣвушкѣ простой, т. е. не царскаго рода, будь она дворянка или даже княжна или графиня, то его жена царицей быть не можетъ, она не можетъ быть коронована, дѣти ея тоже уже не считаются принцами крови, а сынъ не можетъ быть наслѣдникомъ престола. Такой примѣръ мы имѣемъ въ недалекомъ прошломъ: Александръ второй сошелся съ княжной Долгоруковой, которая не была принцессой крови, хотя Долгоруковы тоже считаются рюриковичами. Когда его жена, императрица Марья Александровна, умерла, онъ имѣлъ честность жениться на Долгоруковой, но царицей ее объявить и короновать ее не могъ. Она получила титулъ свѣтлѣйшей княгини Юрьевской, а дѣти ея зовутся князьями Юрьевскими и правами Романовыхъ не пользуются. Такъ точно дѣлается на конныхъ заводахъ. Кровнымъ считается жеребецъ только, если и отецъ и мать кровные. Даже и названіе-то похоже: принцъ крови, жеребецъ кровный, точно у простыхъ смертныхъ крови нѣтъ, какъ не полагается быть крови у лошадей не заводскихъ.

Но въ своемъ семействѣ цари и принцы крови не могутъ найти себѣ невѣстъ: либо ихъ вовсе нѣтъ, либо родство не даетъ жениться. Поэтому принцы крови берутъ себѣ невѣстъ со стороны: изъ другихъ странъ, а принцессы крови ищутъ жениховъ тоже въ другихъ странахъ.

Такъ со времени Петра Великаго, женившагося на крестьянкѣ, дѣлаютъ и наши цари и великіе князья. Они не имѣли и до сихъ поръ не имѣютъ права жениться на своихъ подданныхъ и выбираютъ себѣ невѣстъ за границей въ чужихъ царскихъ семействахъ. Теперь, если мы разсчитаемъ сколько же русской крови въ теперешнемъ царѣ Николаѣ второмъ, то получимъ, что русской крови въ немъ почти вовсѣ нѣтъ.

Дѣйствительно, Петръ Великій женился на литовской крестьянкѣ Сковронской, а дочери его Анна и

Елизавета были рождены до брака. Онъ ихъ узаконилъ и Анну, на половину, значитъ, русскую, на половину литовку, выдалъ за нѣмца — герцога Голштинскаго. Сынъ ея, императоръ Петръ третій, русской крови имѣлъ уже всего одну четверть. Его сынъ, Павелъ, отъ нѣмки Екатерины великой—одну осьмушку. Сынъ Павла, Николай первый, тоже отъ нѣмки—одну шестнадцатую. Александръ второй, сынъ Николая перваго и тоже нѣмки—одну тридцать вторую. Жена Александра второго была опять-таки нѣмка, такъ что въ Александрѣ третьемъ крови русской осталась лишь одна шестьдесятъ четвертая часть, а такъ какъ онъ женился на датской принцессѣ Дагмарѣ, которая теперь называется Марьей Федоровной, то у теперешняго императора Николая второго русской крови отъ Петра Великаго осталась всего одна сто двадцать восьмая часть, т. е. почти что ничего. А выходитъ, что онъ полу-нѣмецъ, полу-датчанинъ.

Въ дѣйствительности и этой сто двадцать восьмой капли Рюриковской крови въ немъ нѣтъ. Дѣло въ томъ, что установлено исторіей, что императоръ Павелъ Петровичъ не былъ сыномъ Петра третьяго. Петръ третій былъ человѣкъ больной и дѣтей имѣть не могъ. За это, главнымъ образомъ, и возненавидѣла его жена, которая убила его, завладѣвъ престоломъ, назвавшись Екатериной второй. Кто былъ собственно отцомъ Павла Петровича сказать точно нельзя, ибо мать его, Екатерина, была женщина страшно развратная. При ней была женщина, спеціально занимавшаяся тѣмъ, что выбирала царицѣ любовниковъ, которыхъ та мѣняла чуть не каждый день, ничѣмъ не стѣсняясь. Предполагаютъ впрочемъ, сопоставляя время, что Павелъ былъ сыномъ Салтыкова, одного изъ придворныхъ любовниковъ Екатерины. По этому выходитъ, что у Николая второго иностранной крови не семь поколѣній, а всего пять и русской крови не одна сто двадцать восьмая, а больше — одна тридцать вторая. Но за то уже Рюриковской крови оказывается въ нашемъ царскомъ родѣ со времени Екатерины нѣтъ ни малѣйшаго слѣда.

Но у царей много дѣлается такого, что у обыкновенныхъ людей казалось бы невозможнымъ. Возьмемъ любовь къ родинѣ и отечеству. Мы любимъ свою родину, почему? Потому что съ малолѣтства живемъ въ ней, свыклись съ нею, говоримъ на ея языкѣ, наши интересы общіе: хорошо всѣмъ, хорошо и намъ и наоборотъ—коли для всѣхъ дѣла идутъ плохо, плохи они и для насъ. Не то мы видимъ у царей. Выходитъ нѣмка замужъ за русскаго наслѣдника или царя, и вдругъ дѣлается русской, называетъ русскій народъ своимъ народомъ,—всю жизнь она была другой вѣры, а тутъ при замужествѣ сейчасъ дѣлается православной, да еще такой повидимому искренней, что считается покровительницей православія. До старости она, конечно, не пріучится, какъ слѣдуетъ говорить по-русски, но это ничего не значитъ: сердце у нея русское!

Все это, конечно, на словахъ: православіе у нихъ—ханжество одно, любовь къ Россіи—обманъ. Ничего они не любятъ: ни Россіи, ни своей родины. Онѣ, принцессы крови, любятъ свое богатство, почетъ, которымъ онѣ окружены съ колыбели, любятъ веселую и безпечную жизнь. Имъ вездѣ хорошо: и на родинѣ и въ Россіи. Въ Россіи имъ еще лучше, чѣмъ на родинѣ, ибо богатства больше, больше власти. Вотъ и любовь ихъ вся.

II. Царскія права.

Послушайте въ церкви, когда за каждой, самой коротенькой службой, поминаютъ царя и его родню: какъ его всегда величаютъ «самодержавнѣйшимъ». «Самодержавнымъ» самъ онъ себя называетъ въ манифестахъ, указахъ. «Царь-самодержецъ» — воспѣвается въ пѣсняхъ.

Что же такое это самодержавіе русскаго царя? Въ чемъ оно заключается? А заключается самодержавіе въ томъ, что власть русскаго царя не ограничена ничѣмъ. Его называютъ часто хозяиномъ земли русской, и онъ, дѣйствительно, въ Россіи хозяинъ, т.-е. дѣлаетъ,

что хочетъ. Захочетъ объявить войну—объявляетъ, не справившись о томъ, желаетъ ли воевать народъ, или нѣтъ. Вздумаетъ издать законъ — издаетъ, а завтра передумаетъ — и законъ отмѣняется. Понравится ему казенная земля — возьметъ и прикажетъ ее записать за собой: и будетъ земля считаться «государевымъ имѣніемъ», а доходы съ нея пойдутъ не въ казну народную, а въ его личный карманъ. Не понравился ему кто—онъ приказываетъ его убить, сослать, посадить, словомъ — все ему возможно. Онъ составляетъ законы, какъ хочетъ, а самъ своихъ собственныхъ законовъ исполнять не обязанъ: онъ выше всякаго закона. Что бы онъ ни сдѣлалъ, какое бы преступленіе ни совершилъ, ни передъ какимъ судомъ онъ не отвѣчаетъ: онъ выше всякаго суда. Для него преступнаго нѣтъ ничего. Самъ царь не разъ говорилъ въ своихъ рѣчахъ: за Россію я отдамъ отвѣтъ передъ Богомъ. Значитъ, онъ дѣлаетъ со 150 милліоннымъ народомъ что ему вздумается, а отвѣтъ отдастъ на томъ свѣтѣ...

И вотъ находятся люди, которые утверждаютъ, что такъ и быть должно, и что такія права царя законны и даны ему самимъ Богомъ, на благо русскаго же народа. Конечно, говорятъ эти люди, царь выше закона, конечно, онъ выше суда, но онъ потому именно не будетъ совершать преступленій, что онъ царь, что онъ такъ высоко стоитъ надъ всѣми своими подданными, что преступленіе ему и въ голову притти не можетъ. Зачѣмъ, скажемъ, ему красть, когда онъ и такъ безконечно богатъ? Зачѣмъ ему убивать, когда, по закону, всѣ враги царя караются уже за то, что они его враги? Все это слова. А вотъ что мы видимъ на дѣлѣ: царь Иванъ Грозный собственноручно убилъ своего сына, ни въ чемъ неповиннаго. Онъ же приказалъ своимъ опричникамъ убить митрополита Филиппа, честно изобличавшаго преступленія опричины царской. Петръ великій убилъ своего сына Алексѣя. Екатерина великая со своимъ любовникомъ подготовила смерть своего мужа Петра третьяго. А сколько убійствъ на совѣсти теперешняго царя Николая втораго—убійствъ, если не собственноручныхъ, то во вся-

комъ случаѣ совершенныхъ съ его согласія и одобренія—того не перечесть. Мы ужъ не говоримъ о тѣхъ сотняхъ тысячъ жертвъ, которыхъ цари почеркомъ пера посылали на войну изъ-за личныхъ, самыхъ мелкихъ, корыстныхъ побужденій. Такъ пользуются своими правами русскіе цари.

Интересно разобраться, откуда у нихъ эти права? Они не всегда были самодержавны. Въ старину, когда они назывались еще великими князьями, они слушались народа. Для рѣшенія важныхъ дѣлъ народъ собирался на площади. Сюда являлся великій князь и вмѣстѣ съ народомъ по согласію рѣшались дѣла. Такое собраніе называлось «Вѣче». Но мало-по-малу великіе князья отъ согласія переходили къ насилію. Они окружили себя дворянами и войсками и вошли въ соглашеніе съ духовенствомъ. Попы стали увѣрять, что власть царская происходитъ отъ самого Бога. Христосъ говорилъ, что между Богомъ и царями нѣтъ ничего общаго. Онъ говорилъ, что царство его не отъ міра сего. А попы придумали совершать надъ царями при коронаціи особое таинство миропомазанія, при чемъ утверждали, что на царей при этомъ нисходитъ особая благодать Божія. Всякому, кто не покоряется царю, обѣщалось, кромѣ висѣлицы на землѣ, еще наказаніе на томъ свѣтѣ. Народъ былъ совсѣмъ неграмотный, а потому принималъ на вѣру всѣ басни, которыя духовенству угодно было ему разсказывать. Никому въ голову не приходило спросить, какъ это благодать святого духа могла снизойти на царицу Елизавету Петровну, когда она засадила малолѣтняго императора Іоанна Антоновича (на немъ вѣдь тоже почивала эта божья благодать) въ крѣпость, гдѣ чуть не замурованного продержали его десятки лѣтъ. Никто не усумнился на счетъ благодати миропомазанія надъ Екатериной великой, когда она отправила на тотъ свѣтъ своего мужа, царя Петра третьяго, вѣдь тоже помазаннаго.

Трудно было необразованному народу разобраться во всемъ этомъ, когда кругомъ дворянство, чиновничество, а главное, подкупленное царями духовенство ему все твердили одно и то же: «Власть царя отъ са-

мого Бога». «Царь—это нашъ земной Богъ». «Кто противъ царя, тотъ противъ Бога». Придумали присягу, при чемъ присягалъ народъ не добровольно, а насильно. Попробуй-ка кто—не то, что солдатъ, но и самый простой человѣкъ—отказаться отъ присяги, его сослали бы въ ссылку, а то и на каторгу. Такіе примѣры бывали, и не одинъ. А затѣмъ всю жизнь повторяли человѣку: ты присягалъ! Теперь держись присяги. А то и здѣсь засудимъ и Богъ накажетъ.

И не приходило бѣдному неученому народу въ голову, что присяга, какъ и всякое обѣщаніе, можетъ быть обязательна только добровольная и вполнѣ сознательная, когда человѣку можно сказать: «Присягалъ вѣдь? Понималъ, что дѣлалъ? Тебя не заставляли? Не обманывали? Теперь держись присяги». Тогда присяга явилась бы добровольнымъ договоромъ между царемъ и присягавшимъ. А подневольная присяга или обманная, когда простой народъ всячески надуваютъ, не присяга. Присяга сама по себѣ всякая, даже добровольная, не позволяется по Христу. Христосъ прямо сказалъ: «Не клянитесь никакъ, а говорите: да или нѣтъ; остальное все лишнее». Именно поэтому-то у насъ духовенство и всякое начальство и обставили присягу такъ торжественно, потому и придаютъ ей такое значеніе—что хотятъ скрыть обманъ. Присягала вѣдь Елизавета Петровна Іоанну Антоновичу и Екатерина Великая Петру третьему, да и Александръ первый, котораго еще прозвали «Благословеннымъ» присягалъ отцу своему, Павлу Петровичу, что не помѣшало ему участвовать въ заговорѣ, гдѣ было рѣшено, если не убійство Павла, то, во всякомъ случаѣ, низложеніе съ престола. Но что стоитъ присяга для сильныхъ? Въ особенности, когда удается дѣло и имъ приходится сѣсть на престолъ, залитый кровью отца, или мужа, или брата? Ничего. Присяга для крестьянъ, для рабочихъ, для солдатъ!

Вотъ для чего сотни лѣтъ народъ держатъ въ потемкахъ; вотъ для чего его не учатъ, для чего не открываютъ школъ, не допускаютъ газетъ и книгъ въ народъ; вотъ почему Россія отъ всѣхъ отстала, даже

отъ Японіи, которая 50 лѣтъ назадъ вовсе считалась дикой.

И на этой народной темнотѣ и держатся права русскихъ царей. Она служитъ основаніемъ самодержавія. И вотъ теперь мы видимъ, что, когда лучъ свѣта началъ проникать въ деревню, когда самоотверженные люди стали открывать народу глаза—зашатался и царскій тронъ.

Дальше мы увидимъ во всей ихъ прелести царскія дѣла, и какъ цари пользуются правами самодержавія. Увидимъ и то, что ихъ ждетъ впереди.

III. Царское богатство.

Русскій царь—самый богатый человѣкъ на всемъ свѣтѣ. Нельзя даже приблизительно составить себѣ понятіе о такомъ невѣроятномъ богатствѣ. Капиталы его доходятъ до баснословной суммы въ четыре милліарда; другими словами это триста тысячъ пудовъ, или четыреста вагоновъ чистаго золота. Такихъ громадныхъ количествъ золота въ однѣхъ рукахъ нѣтъ нигдѣ.

Многіе думаютъ, что, когда капиталистъ держитъ большія суммы денегъ въ банкѣ, то онъ приноситъ тѣмъ самымъ пользу банку, а также и тому государству, гдѣ деньги лежатъ. Банкъ не только взимаетъ плату за храненіе капиталовъ, но и имѣетъ право пускать ихъ въ оборотъ и наживать на нихъ. Государству же выгодно, чтобы было въ странѣ больше денегъ, чтобы обороты были обширнѣе. Можно, конечно, возразить, что капиталъ приноситъ больше пользы тому, кому онъ принадлежитъ, чѣмъ государству и банку, но русскіе цари и этой пользы своей странѣ приносить не желаютъ: свои четыре милліарда они держатъ не въ Россіи, а въ заграничныхъ банкахъ. А почему? Потому, что въ Россіи они боятся ихъ держать.

Они боятся, что русскій народъ поймётъ, наконецъ, что это его кровныя денежки, и что онъ ихъ отберетъ обратно. Они чувствуютъ, что не вѣкъ же русскому народу страдать, что придетъ время имъ бѣжать за

границу: Ну чтожъ, они уйдутъ изъ своего отечества и за границей найдутъ свои несмѣтныя сокровища. Они и тамъ будутъ богатѣйшіе люди на свѣтѣ!

Стоитъ ли говорить, что всѣ эти капиталы образовались изъ грошей народныхъ, что они стеклись въ царскую сокровищницу изъ дырявыхъ кармановъ крестьянъ и рабочихъ? Но мало имѣть царю капиталы. Онъ не только капиталистъ крупный, онъ и первый русскій помѣщикъ. Лучшія имѣнія, самыя плодородныя, самые роскошные лѣса—удѣльные и кабинетскіе, т. е. принадлежатъ царю и его семьѣ. Во всѣхъ губерніяхъ есть удѣльныя земли. За послѣднее время количество этихъ земель растетъ неимовѣрно быстро. Тридцать лѣтъ назадъ завоевали русскіе солдаты своею кровью громадныя пространства земли въ закаспійской области. И вотъ выходитъ указъ царскій: именоваться завоеваннымъ землямъ Мургабскимъ государевымъ имѣніемъ. Вотъ и все. Царь землю завоеванную сдѣлалъ не казенной землей, не передалъ ее народу, который ее завоевалъ, а взялъ себѣ. Царь все можетъ: почему ему не взять себѣ лучшую землю? Эта земля на Мургабѣ, какъ она есть, ничего не родитъ, но лишь стоитъ ее оросить и она дѣлается золотымъ дномъ. Хлопокъ тогда родится на ней и даетъ огромные доходы. Но орошеніе требуетъ громадныхъ денегъ. Стоитъ ли царю расходовать свои деньги на это орошеніе? Конечно, нѣтъ! У него есть солдаты, взятые изъ народа. Солдаты присягали царю: они тѣ же рабы царскіе; ихъ и заставилъ онъ провести каналы, построить плотины, оросить громадныя пространства земли. Вотъ на что употребляется даровой солдатскій трудъ!

Въ Томской губерніи оказались чудныя земли, не только по своей урожайности, но и по богатству ископаемыхъ нѣдръ: уголь, желѣзо, серебро, мѣдь, золото—все тамъ есть. Эти земли, такъ называемыя Алтайскія, объявлены царемъ кабинетскими, то есть личной царской собственностью. А работниковъ опять-таки нанимать не нужно: трудъ каторжанъ даровой. Они обработаютъ царю Алтайскія земли, добудутъ батюшкѣ золото и другіе металлы.

На границѣ Манджуріи, при сліяніи рѣки Шилки и Аргуни, оказались чудныя золотоносныя земли. И вотъ десять лѣтъ назадъ министру Ермолову велѣно было составить законъ, что эти земли переходятъ въ кабинетъ царя. Ермоловъ законъ выработалъ. Всѣ министры съ нимъ согласились. Земли объявлены царскими. А ихъ всего 50 милліоновъ десятинъ! Изъ нихъ можно выкроить десять губерній какъ Орловская и Тульская. Они стоятъ милліарды. И эти милліарды царь отнялъ у русскаго народа и взялъ себѣ. Онъ все можетъ! Онъ самодержавный царь!

Съ этой же цѣлью затѣяна была и японская война, стоившая два милліарда русскому народу и двѣсти тысячъ солдатскихъ жизней. Но на этотъ разъ сорвалось!

Вотъ какой помѣщикъ русскій царь!

Но русскій царь не только помѣщикъ, онъ и фабрикантъ, и домовладѣлецъ. Стеклянныя, фарфоровыя, гранильныя фабрики подъ Петербургомъ и на Уралѣ принадлежатъ царю, а дворцовъ его въ столицахъ, въ Крыму и въ разныхъ другихъ городахъ и имѣніяхъ не перечесть. Не перечесть и всѣхъ богатствъ, которыя скоплены въ этихъ дворцахъ. Да стоитъ ли говорить о богатствахъ человѣка, который можетъ все взять себѣ, стоитъ ему чего пожелать.

Несмѣтные доходы со всѣхъ этихъ капиталовъ, имѣній, пріисковъ и фабрикъ нѣтъ никакой возможности израсходовать—слишкомъ они велики. Понятно, что капиталы царскіе все растутъ и растутъ.

Но мало царю и его семейству имѣть всѣ эти богатства. Ему надо, чтобы они накапливались, но чтобы ихъ не расходовать даже на жизнь. Для этого ежегодно изъ народной казны отчисляется двадцать милліоновъ. Эти громадныя суммы идутъ на содержаніе дворцовъ, придворныхъ, на балы, обѣды, на громадныя жалованья великихъ князей и великихъ княгинь. Эти двадцать милліоновъ не только всѣ расходуются, но ихъ еще не хватаетъ. А сколько еще милліоновъ народныхъ расходуется на царскую потѣху въ видѣ роскошныхъ царскихъ кораблей, расшитыхъ полковъ гвардіи, на чудные поѣзда, въ которыхъ катаются

члены царской фамиліи! Всѣ эти милліоны расходуются разными министрами, будто они нужны для русскаго народа, а въ дѣйствительности нужны они только для царя.

Теперь, если всѣ эти богатства царскія, кромѣ золота, всѣ эти имѣнія, пріиски, дворцы и фабрики оцѣнить въ два милліарда,—что ниже ихъ дѣйствительной стоимости, то мы получимъ, что царское имущество стоитъ шесть милліардовъ. Если бы только это царское имущество раздѣлить между всѣми его подданными, съ которыхъ это богатство собрано, то на каждаго жителя Россіи, включая и дѣтей, пришлось бы по сорока рублей. Бѣдный крестьянскій дворъ въ пять ѣдоковъ получилъ бы двѣсти рублей. Японская война разорила Россію, но она стоила всего два милліарда. Русскій царь на свои средства могъ бы вынести три такихъ войны. Кабы вернуть все это русскому народу, онъ не голодалъ бы такъ, какъ голодаетъ теперь. А что дѣлаетъ царь для русскаго народа? Ничего. Сколько пожертвовалъ царь въ японскую войну, когда вся Россія собирала крохи для нуждъ раненыхъ солдатъ? Перечитайте всѣ газеты за это время—и вы не увидите ни копейки его жертвы. Теперь крестьяне второй годъ подрядъ голодаютъ, болѣютъ цынгой и голоднымъ тифомъ, умираютъ съ голоду. Много царь пожертвовалъ на голодающихъ? Много открылъ столовыхъ? Ничего онъ не пожертвовалъ, ни одной столовой не открылъ.

Вотъ его любовь къ народу и къ солдатамъ! Изрѣдка онъ пожертвуетъ изъ собственнаго кармана жалкія двѣ-три тысячи рублей въ случаяхъ наводненій, пожаровъ, землетрясеній. Недавно, когда выгорѣла Сызрань, и десятки тысячъ людей остались голодными и раздѣтыми, онъ пожертвовалъ сто тысячъ рублей. Всѣ удивились этой необычайной щедрости. Такія жертвы бываютъ не каждый годъ! Забываютъ, что царь изъ народной казны получаетъ сто тысячъ рублей въ день на прожитіе, не считая своихъ доходовъ, которые гораздо больше. Такъ вотъ что онъ пожертвовалъ. И это еще чудо!

IV. Царскій обиходъ.

Съ минуты своего рожденія сынъ или дочь царя, или великаго князя пользуется такимъ уходомъ, какого никогда и во снѣ не увидитъ ребенокъ бѣдняка. Все, что можетъ дать богатство и наука, все имъ дается: лучшія мамки и няньки, доктора, пища. Всѣ жизненныя условія таковы, что рѣдко кто изъ нихъ умираетъ въ дѣтствѣ. Не то, что у жены крестьянина и работницы, которыя, сколько ни рожаютъ, — знай носятъ малютокъ на кладбище.

У крестьянъ, по отчетамъ церковныхъ метрикъ, на сто родившихся умираетъ до десятилѣтняго возраста 52, т. е. большая половина. А вотъ какъ въ царскомъ роду: со временъ Николая I всѣхъ въ царскомъ родѣ родилось 69; умерло изъ нихъ до 10 лѣтъ всего 5. На сто пришлось бы семь, т. е. въ семь разъ меньше, чѣмъ у крестьянъ. Другими словами на 7 крестьянскихъ малютокъ умираетъ всего 1 царскій ребенокъ.

А у царствующаго теперь Николая II родилось пять человѣкъ и всѣ живы, тогда какъ у иного крестьянина или рабочаго часто изъ 15 родившихся въ живыхъ не остается ни одного.

Съ дѣтства же царскихъ дѣтей окружаютъ роскошью и почетомъ. Самый высокій орденъ — андреевскую звѣзду и ленту—имъ даютъ при крещеніи. Всю жизнь служатъ министры и сенаторы, чтобы заслужить эту ленту, и рѣдко, рѣдко кто до нея дослужится къ семидесяти или восьмидесяти годамъ. А тутъ онъ красуется въ голубой лентѣ съ самаго рожденія.

Подростаетъ царскій ребенокъ. и вотъ всѣ начинаютъ передъ нимъ подличать. Ему три года, а ужъ величаютъ его «императорскимъ высочествомъ», окружаютъ поклонами. Вѣдь надо къ нему поддѣлаться, не ровенъ часъ пожалуется отцу съ матерью. Въ восемь лѣтъ ужъ онъ понимаетъ, что онъ особой, высшей породы; съ прислугой обращается, какъ съ рабами; со сверстниками изъ дворянъ и изъ придворныхъ—какъ съ подчиненными: они обязаны уступать

ему въ играхъ, выслушивать его дерзости, обходиться съ нимъ, какъ съ высшимъ. Даже заслуженные придворные и фрейлины стараются заискивать у царскаго подростка: не ровенъ часъ, пригодится современемъ.

Съ малолѣтства великихъ князей и княженъ дѣлаютъ шефами полковъ, а если это дѣти самого царя, то дѣлаются они шефами гвардейскихъ полковъ и атаманами казачьихъ войскъ. Надѣваютъ на нихъ мундиры, то такой, то сякой, и непремѣнно офицерскіе. Являются депутаціи этихъ полковъ опять съ поклонами. На солдатъ они, понятно, смотрятъ, какъ на животныхъ, обязанныхъ имъ служить, и при случаѣ, за нихъ умирать.

Подрастаютъ они. Приходитъ время ученья. Но какое для царей ученье? Воспитываютъ ихъ по военному. А кто не знаетъ, что наши офицеры еле умѣютъ писать съ ошибками? Но въ военныхъ школахъ и корпусахъ все-таки съ мальчиковъ кое-что да требуется, а что требуютъ съ царскихъ дѣтей? Ничего. Учатъ ихъ ловко ходить, стрѣлять, верхомъ ѣздить, говорить по французски—вѣдь надо имъ и съ послами говорить, и за границу ѣздить,—а наукой они занимаются лишь для виду. Читать серьезныя книги никому изъ нихъ и въ голову не приходитъ. А готовятся они управлять народомъ!

Жизнь ихъ все время протекаетъ среди роскоши дворцовъ; денегъ они не считаютъ; всякая прихоть ихъ исполняется; проводя съ раннихъ лѣтъ время съ молодыми кутящими гвардейскими офицерами, они рано пріучаются къ кутежамъ и разврату. Только объ этомъ они и думаютъ. А какъ живетъ народъ, что ему нужно — объ этомъ они и не помышляютъ. Зато себѣ они считаютъ все позволеннымъ: и обижать людей, и оскорблять. О женщинахъ они думаютъ, что дѣлаютъ имъ же великую честь, за ними ухаживая. Чѣмъ дальше,—тѣмъ больше ихъ окружаетъ всеобщее холопство, и, въ концѣ концовъ, они сами начинаютъ вѣрить, что власть ихъ происходитъ отъ Бога и что народъ обязанъ все терпѣть, что они ни сдѣлаютъ; что народъ созданъ для нихъ, а не они для народа.

Принцы крови всего міра, не одни русскіе великіе князья, всю жизнь проводятъ въ войскахъ. Солдаты, по своей темнотѣ, видятъ единственно въ своемъ военномъ начальствѣ сильную власть. Статскій царь, или великій князь не внушалъ бы имъ столько уваженія, сколько военный. А уваженіемъ и преданностью солдатъ цари дорожатъ больше всего: они надѣются вѣчно въ солдатскихъ штыкахъ найти защиту отъ народнаго гнѣва. Съ другой стороны, къ сожалѣнію, и женщины увлекаются больше блестящимъ мундиромъ, нежели личными качествами человѣка. Это тоже заставляетъ великихъ князей добиваться этихъ мундировъ.

Понятно, что чины идутъ великимъ князьямъ не такъ, какъ простымъ смертнымъ. Офицерскіе мундиры надѣваются уже на маленькихъ дѣтей. Производство ихъ идетъ не въ очередь, и къ тридцати годамъ они уже генералы. Всѣ высшія мѣста въ войскахъ занимаются великими князьями. Они же дѣлаются командирами лучшихъ гвардейскихъ полковъ. Зато прежде они шли на войну. Хоть толку отъ этого не было, и они приносили больше вреда, нежели пользы, хоть и держались позади войскъ, но все-таки слава, какъ ни какъ, была: царь, молъ, на войнѣ; великіе князья командуютъ арміями; наслѣдникъ со своимъ отрядомъ; въ турецкую войну шальная пуля убила царскаго племянника, Сергѣя Максиміліановича. Теперь и этого нѣтъ: въ послѣднюю войну царь только провожалъ войска. Владимиръ Александровичъ командовалъ войсками не въ Манджуріи, а въ Петербургѣ. Алексѣй Александровичъ и не подумалъ итти съ флотомъ въ Портъ Артуръ, хоть и былъ генералъ-адмираломъ. Отправились было два молодыхъ великихъ князя Борисъ и Кириллъ, да вернулись скоро, не бывъ ни въ одномъ сраженіи. Кириллъ испугался, какъ только пришлось выкупаться въ морѣ при гибели «Петропавловска», и немедленно вернулся. Борисъ постыдно бѣжалъ изъ Портъ Артура, когда японцы подошли, а черезъ мѣсяцъ его даже Куропаткинъ долженъ былъ вернуть въ Россію, до того дошли его развратъ и кутежи, въ то время, какъ русскіе солдаты гибли, какъ мухи.

Что сказать про жизнь царей и великихъ князей? Это рядъ праздниковъ, съ утра до ночи, изо дня въ день. Парады смѣняются обѣдами, театры—балами, все смѣшано съ пьянствомъ и разгуломъ. Летятъ безъ счету народныя деньги. Все, что имъ въ голову приходитъ, сейчасъ исполняется. Захотятъ путешествовать — къ услугамъ ихъ цѣлые поѣзда, а если ѣдетъ самъ царь, то на тысячи верстъ разставляютъ для охраны пути десятки тысячъ солдатъ. Вздумается царю прокатиться по морю — ему подаютъ цѣлый пловучій дворецъ въ видѣ яхты, а для охраны ѣдутъ броненосцы.

И не надо думать, что царь все это считаетъ удовольствіемъ. Онъ убѣжденъ, что вся работа его въ этомъ именно и заключается: парадами онъ поднимаетъ духъ войскъ; на пріемахъ, обѣдахъ и балахъ онъ принимаетъ пословъ иностранныхъ державъ и разныхъ заѣзжихъ принцевъ, которымъ отдаетъ визиты. Показываясь въ театрахъ и на балахъ во всемъ своемъ блескѣ и въ кругу придворныхъ, онъ думаетъ затуманить своихъ подданныхъ роскошью и богатствомъ.

А государственныя дѣла? А законы? О! Для этого у него государственный совѣтъ, сенатъ, министры. Его дѣло назначать на эти мѣста людей вѣрныхъ, т.-е. такихъ, чтобы не измѣнили ему, царю. А что тамъ будетъ съ Россіей—ему дѣла нѣтъ. А вотъ чтобы отдохнуть отъ парадовъ и городскихъ празднествъ, онъ иногда ѣздитъ на охоту, для чего содержится на народныя деньги цѣлое войско охотниковъ, цѣлыя стада кровныхъ лошадей и разныхъ собакъ.

Были цари—кутилы, развратники, пьяницы. Изъ послѣднихъ царей развратничали особенно Николай первый и Александръ второй. А Александръ третій очень любилъ пить вино, и отъ пьянства заболѣлъ и умеръ. Любитъ вино и теперешній царь, Николай второй. Жизнь Николая отличается отъ жизни прежнихъ царей тѣмъ, что онъ вынужденъ сидѣть въ Царскомъ Селѣ или въ Петергофѣ. Онъ не только послѣднее время боится путешествовать по Россіи, но не можетъ показаться и въ своей столицѣ. Онъ боится, что народъ,

который понялъ, наконецъ, сколько зла ему сдѣлали цари, его растерзаетъ. Въ виду ужасныхъ звѣрствъ, которыя продѣлываетъ онъ надъ своимъ народомъ, и за границей ему ѣздить небезопасно. Такъ, онъ хотѣлъ попутешествовать въ Италіи, но итальянскій король написалъ ему, чтобы онъ не ѣздилъ, потому что онъ за своихъ итальянцевъ не ручается. Даже родной его дѣдъ, король датскій, не хотѣлъ его принять. И вотъ сидитъ онъ, какъ плѣнникъ, въ своемъ собственномъ дворцѣ, окруженный гвардіей, которая пока ему вѣрна, и сотнями сыщиковъ и шпіоновъ.

Министры и генералы, которые только объ одномъ заботятся, чтобы подавить возставшій русскій народъ, хотя бы имъ пришлось залить всю Россію кровью, ѣздятъ къ нему съ докладами. Но немного удѣляетъ царь времени на дѣла русскаго народа. Часто бываетъ, что министръ пріѣдетъ съ докладомъ и не повидавшись съ царемъ, уѣзжаетъ. Ему говорятъ, что царь занятъ, а царь играетъ въ карты или возится съ маленькими комнатными собачками. Этимъ занятіемъ онъ сильно увлекается: учитъ собаченокъ, дрессируетъ ихъ. Очень увлекается царь разными гаданіями. Онъ выписываетъ изъ-за границы разныхъ фокусниковъ, которые будто вызываютъ духовъ, знаютъ разные секреты, предсказываютъ будущее. Онъ платитъ этимъ мошенникамъ громадныя деньги и многое дѣлаетъ по ихъ совѣтамъ. Вообще и царь и царица очень суевѣрны. Прежде они очень вѣрили въ Іоанна Кронштадтскаго, но когда раскрылось, что подъ видомъ святости кронштадтскій священникъ занимается грязными дѣлами и окруженъ шайкой грабителей и развратницъ, они отъ него отступились и теперь время проводятъ съ колдунами. Ловкіе люди, окружающіе царя, пользуются этимъ и угрозами и подкупами заставляютъ этихъ колдуновъ поддерживать ихъ вліяніе надъ царемъ. Много распоряженій, много законовъ издано по ихъ указаніямъ. Много людей пострадало изъ-за суевѣрія царскаго.

V. Царь и чиновники.

Какъ бы ни были велики царскія права, какъ бы ни страшно было зло, которое царь можетъ причинить любому изъ своихъ подданныхъ, это ничто въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое творится не имъ лично, а его именемъ. Какъ бы ни былъ плохъ законъ, народъ такъ или иначе къ нему бы приспособлялся. Нѣкоторые законы и теперь при самодержавіи не исполняются народомъ. Это бываетъ тогда, когда они совсѣмъ идутъ въ разрѣзъ съ народнымъ пониманіемъ и съ народными обычаями. Напримѣръ, если взять законъ о семейныхъ раздѣлахъ у крестьянъ. Онъ хотя и составленъ царемъ, но не исполняется, потому что нельзя заставить крестьянъ силой жить вмѣстѣ, если у нихъ въ домѣ нелады. Не исполняется и законъ, запрещающій землю дѣлить по новымъ душамъ иначе какъ черезъ двѣнадцать лѣтъ. Если крестьяне задумали передѣлить землю, то такъ или иначе законъ обходится.

Не можетъ царь при всемъ его самодержавіи издавать и такіе законы, которые совсѣмъ противны были народу. Нельзя, напримѣръ, написать законъ, что воры, убійцы, поджигатели награждаются, а честные люди ссылаются въ Сибирь. Царя, который издалъ бы такой законъ, сочли бы сумасшедшимъ. Поэтому, какъ ни какъ, а законъ все-таки на бумагѣ выходитъ не такъ уже плохъ. Но дѣло въ томъ, что при самодержавіи никакой законъ не исполняется, ни хорошій ни плохой. Исполнять законъ призваны чиновники отъ министра до послѣдняго станового и земскаго начальника. Караетъ за неисполненіе закона судъ. Такъ вотъ оказывается, что при царскомъ самодержавіи, самодержавными оказываются и всѣ чиновники царскіе. Они призваны исполнять законъ и слѣдить за тѣмъ, чтобы другіе его исполняли, а оказывается, что эти-то самые чиновники и являются первыми нарушителями закона, притомъ нарушителями безнаказанными. Выходитъ, что и они самодержавны.

Кого царь назначаетъ министрами? Кого онъ приближаетъ къ себѣ? Только близкихъ ему людей, людей, въ которыхъ онъ увѣренъ, что они не измѣнятъ ему. А такими людьми являются прежде всего дворяне, интересы которыхъ связаны съ интересами самого царя. Они тѣснымъ кольцомъ окружаютъ царскій престолъ. Будь человѣкъ честенъ, уменъ, его царь къ себѣ не приблизитъ, если онъ въ немъ лично не увѣренъ. А разъ человѣкъ близокъ къ царю, ихъ интересы уже между собой связаны. Этотъ чиновникъ, будь онъ министръ или придворный, получаетъ отъ царя громадное жалованіе, почетъ. Онъ убѣжденъ, что если будетъ вѣрно служить самодержавному царю, то тотъ его не броситъ до самой смерти, что и дѣтямъ его будетъ хорошо. За то и царь его держится въ увѣренности, что онъ его всегда защититъ.

Теперь вообразимъ, что такой близкій царю человѣкъ нарушитъ законъ или даже совершитъ преступленіе. Кто его накажетъ? Царь? Никогда! Онъ ему довѣрился, цѣнитъ его преданность, а потому всегда покроетъ его преступленіе. Если бы царь вздумалъ взыскать съ своихъ близкихъ за народныя обиды, они его не только бы подвели, но, можетъ быть, и убили бы.

Возьмите любого помѣщика. Если онъ вѣритъ въ своего управляющаго или приказчика, если тотъ ему полезенъ и даетъ ему хорошій доходъ, прогонитъ онъ его, если тотъ будетъ обижать рабочихъ или крестьянъ? Никогда. Онъ всегда оправдаетъ его изъ-за личной привязанности, личнаго интереса. Такъ и царь. Что бы близкіе ему люди ни сдѣлали, онъ всегда покроетъ ихъ своею самодержавною властью. Выходитъ, что и для высшихъ чиновниковъ законъ не писанъ, какъ и для царя. Они тоже могутъ въ своихъ дѣлахъ допускать полный произволъ, могутъ обкрадывать народъ и народную казну и, если вѣрны царю, остаться безнаказанными. Они тоже выше закона, тоже самодержавны.

Теперь идемъ дальше. Министры назначаютъ губернаторовъ, попечителей, начальниковъ желѣзныхъ дорогъ, и другихъ высокихъ чиновниковъ. Кого они назначаютъ? Опять же людей близкихъ себѣ, которые

ихъ не подведутъ. Они тоже смотрятъ сквозь пальцы, если эти чиновники совершаютъ преступленія, грабятъ казну, не исполняютъ законъ, обижаютъ народъ.

И такъ идетъ дальше. Губернаторъ тоже назначаетъ земскихъ начальниковъ, исправниковъ, полицеймейстеровъ, себѣ преданныхъ; попечитель ставитъ своихъ людей директорами и инспекторами народныхъ училищъ и гимназій, и такъ дальше, до послѣдняго урядника, начальника станціи, акцизнаго чиновника. Все это свои люди. Всѣ они нарушаютъ законъ и грабятъ народъ, увѣренные, что ихъ начальство поддержитъ и все замажетъ. Это чиновничество отъ царя и до самаго низу цѣпляется другъ за друга, помогаетъ другъ другу наживаться, другъ друга грѣхи замазываетъ. Всѣ они выходятъ болѣе или менѣе самодержавными, т. е. выше закона. Всѣ сосутъ кровь изъ народа, а не то, что служатъ народу.

Примѣровъ можно привести сколько угодно. Всѣмъ памятна японская война, когда чиновники грабили красный крестъ и тѣ жалкіе гроши, что народъ посылалъ солдатамъ. Александровскій, бывшій гвардеецъ, любимецъ Маріи Ѳеодоровны, на сотни тысячъ отчетовъ не представилъ, а теперь сидитъ губернаторомъ въ Пензѣ. Недавно раскрылось, что товарищъ министра Гурко, дерзко говорившій въ думѣ, взялъ взятку въ нѣсколько сотъ тысячъ съ поставщика хлѣба голодающимъ крестьянамъ и остался еще и послѣ этого товарищемъ министра! А великіе князья? Флотъ строилъ Алексѣй Александровичъ, а подряды сдавала его любовница, актриса Балетта. Мудрено-ли, что флотъ вышелъ такой? Двадцать пять лѣтъ не отстраивается соборъ въ Петербургѣ, на Екатерининскомъ каналѣ, потому что милліоны растрачены Владимиромъ!

И все шито и крыто. Всѣ рука руку моютъ.

Чтобы темныя дѣла чиновниковъ не выходили наружу, царь издалъ законъ, что подъ судъ чиновника можетъ отдать только его начальство. Начальство само грѣшно, до царя включительно; понятно, что дѣла эти никогда до суда и не доходятъ. А чтобы народъ морочить, чтобы онъ не могъ знать всѣхъ

безобразій чиновниковъ-казнокрадовъ, запрещается строго закономъ что-либо писать объ ихъ подвигахъ въ газетахъ. Если кто что напишетъ, то и автора и редактора сажаютъ въ тюрьму, а газету закрываютъ. Такъ что въ тюрьму попадаютъ не нарушители закона, а тѣ кто пытается раскрыть преступленія, не народные враги, а друзья народа. Иногда впрочемъ безобразія доходятъ до того, что ихъ нельзя бываетъ скрыть. Дѣло чиновника доходитъ до суда. Это, конечно, бываетъ только съ низшими чиновниками. Но и тогда имъ бояться особенно не приходится. Вѣдь судъ тоже состоитъ изъ чиновниковъ. Министра юстиціи, сенаторовъ, представителей судовъ, прокуроровъ назначаетъ опять же царь изъ своихъ людей. Они тоже замазываютъ грѣхи преданныхъ царю и начальству чиновниковъ. И эти послѣдніе послѣ суда выходятъ обѣленными и могутъ продолжать прежнюю дѣятельность.

Въ числѣ многихъ другихъ, приведемъ примѣръ полковника Шафрова, тоже бывшаго гвардейца. Онъ сдѣлался полицеймейстеромъ въ Кронштадтѣ и такъ грабилъ, что волей-неволей начальству его пришлось отдать его подъ судъ. Въ трехъ инстанціяхъ до сената включительно, онъ былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ тюрьмѣ съ лишеніемъ чиновъ и орденовъ. До отбытія наказанія онъ бѣжитъ за границу тайкомъ, что тоже почитается преступленіемъ.

И что же? Царь его милуетъ, возстановляетъ въ чинахъ и отправляетъ въ Манджурію завѣдывать отдѣломъ Краснаго креста! Завѣдомаго вора послалъ онъ обкрадывать солдатъ!

Въ Москвѣ приставъ полковникъ Ермоловъ вошелъ къ доктору Воробьеву и, не говоря ни слова, убилъ его. Но такъ какъ онъ сказалъ, что убилъ Воробьева, какъ крамольника, изъ любви къ царю, то его царь помиловалъ. Да сколько теперь явныхъ убійцъ ходятъ въ мундирахъ, въ орденахъ на царской службѣ!

Зато горе чиновнику, который захочетъ дѣйствительно служить честно и приносить пользу народу. Его очень скоро раскусятъ и прогонятъ со службы. Если же онъ какъ-нибудь повредитъ начальству,

раскрывъ его преступленія, то можетъ невинный попасть подъ судъ. Его оклевещутъ или къ чему-нибудь придерутся, а судъ такого не помилуетъ.

Стоитъ ли приводить примѣры чиновчьихъ преступленій? Всякій русскій гражданинъ можетъ указать на такія преступленія, стоитъ ему оглянуться. Кругомъ его казнокрады, грабители, взяточники и въ полиціи, и въ судѣ, и во всѣхъ вѣдомствахъ. Отъ министра и великаго князя до урядника—всѣ наживаютъ, глядя по чину, капиталы и дома. Да что говорить про чиновниковъ, когда самъ царь изъ народныхъ грошей составилъ себѣ несмѣтныя сокровища?

Все это народъ знаетъ давно. Надо ему только убѣдиться, что все это происходитъ не помимо царской воли. Царя не обманываютъ чиновники. Царь все знаетъ это лучше всѣхъ и завѣдомо прикрываетъ и защищаетъ чиновниковъ. Онъ ими держится. Къ сожалѣнію, онъ отъ народа далеко, а народъ теменъ и вѣритъ въ царскихъ клевретовъ, духовныхъ и другихъ, которые ему внушаютъ, что царь—земной богъ.

Только послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ въ Россіи идетъ смута, и вся царская свора не въ состояніи замазать ротъ тѣмъ преданнымъ народу людямъ, которые жертвуютъ собой, лишь бы просвѣтить народъ и раскрыть ему глаза на царскія преступленія. Теперь чиновники уже открыто пошли противъ народа, а царь по прежнему ихъ защищаетъ. Еще немного и народъ будетъ знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и гдѣ корень зла.

VI. Царь и церковь.

На ектеньяхъ, когда слышишь, что поминаютъ царя, его называютъ не только «самодержавнѣйшимъ», но и «благочестивѣйшимъ», а великихъ князей называютъ «благовѣрными». Не называютъ благовѣрными тѣхъ великихъ княгинь, которыя, выходя замужъ за русскаго великаго князя, не приняли православія и сохранили свою вѣру. Значитъ, благовѣрными зовутся великіе князья и княгини за то, что они православ-

ные. Благочестивѣйшимъ же называютъ царя не только какъ православнаго, но и какъ покровителя русской православной церкви.

Намъ надо разобраться, какъ русскіе цари покровительствуютъ православной церкви.

Что такое православная церковь? Это — собраніе вѣрующихъ во Христа согласно православному ученію. Глава церкви, по ученію Христа—самъ Христосъ. Его ученіе должно быть для вѣрующаго въ него свято сохранено. Между тѣмъ, что мы видимъ на дѣлѣ? То, чему училъ Христосъ, и то, чему учатъ насъ попы— совсѣмъ разныя вещи.

Христосъ говорилъ: «Не убій», а священники велятъ воевать, и сами часто идутъ на войну воодушевлять войска, чтобы лучше убивали врага. Священники и архіереи стоятъ теперь за смертную казнь, чтобы вѣшали и разстрѣливали всѣхъ, кто противъ царя. Неужели это по христіански? Христосъ говорилъ, что богатому невозможно войти въ царство небесное, а попы только и дѣлаютъ, что прославляютъ добродѣтели богатыхъ. Христосъ не велѣлъ клясться, а священники велятъ присягать царю, они же подводятъ на судѣ къ присягѣ всѣхъ свидѣтелей. И это по христіански? Христосъ училъ, что царство его не отъ міра сего, и что онъ одинаково пришелъ всѣхъ спасти: и царей и нищихъ. А что изъ этого ученія сдѣлали попы? О небесномъ они думаютъ, или о земномъ? Кого они поминаютъ на ектеніяхъ? Всѣхъ и нищихъ? Или одного царя?

Стоитъ во все это вдуматься, чтобы понять, что попы не Христу служатъ, не Богу, а себѣ. А чтобы имъ лучше было, ищутъ покровительства царей. Цари тоже не Богу служатъ, не Христу, не вѣрующимъ въ него покровительствуютъ, а духовенству, попамъ, чтобы тѣ дурачили народъ въ пользу царей.

Если мы посмотримъ русскіе святцы, то увидимъ, что въ Россіи (мы не говоримъ про другія страны) всѣ, безъ исключенія святые, мужчины и женщины, были или духовные—архіереи, монахи, попы, юродивые — которые тоже монахи — или княжескаго рода.

Ни одного крестьянина, ни одного мѣщанина, оставшагося въ міру и ненадѣвшаго рясы. Вотъ вамъ и. царство небесное для бѣдныхъ. У князя Владиміра, уже послѣ крещенія его, было пять женъ законныхъ, и восемьсотъ незаконныхъ — онъ святой! Александръ Невскій перебилъ собственноручно множество шведовъ тоже вѣдь христіанъ—онъ тоже святой. А вотъ изъ крестьянъ, которыхъ было и есть на Руси въ милліонъ разъ больше, чѣмъ князей, ни одинъ не удостоился попасть въ святые! А мало ли ихъ было, которые, дѣйствительно, жили по заповѣдямъ божіимъ, не то, что князья.

За послѣднее время вошло въ обычай, послѣ коронаціи царя, открывать мощи какого-нибудь святого. Это какъ бы входило въ церемоніалъ. Такъ, когда Николай первый взошелъ на престолъ, открыли мощи Митрофана Воронежскаго. Для Александра второго открыли мощи Тихона Задонскаго. Александру третьему предложили открыть мощи Феодосія Черниговскаго, но онъ самъ не пожелалъ, и ихъ открыли уже при Николаѣ второмъ тотчасъ послѣ коронаціи. Но Николай—любитель всякихъ чудесъ, и потому, когда на Руси пошла смута, онъ пожелалъ открыть еще мощи: открыли Серафима Саровскаго. Обманъ довести до конца не удалось, и, вмѣсто нетлѣнныхъ мощей, оказались только пожелтѣвшіе кости, да волосы. Но и тутъ нашлись: архіереи объяснили, что не нужно мощамъ быть, чтобы человѣкъ оказался святымъ, и объявили Серафима святымъ и безъ мощей. А народъ теперь прикладывается не къ мощамъ а къ кости! Понятно, что всѣ эти святые объявляются не для церкви, не для вѣрующихъ, а для царей, чтобы народъ думалъ, что Богъ являетъ имъ особую милость.

Вотъ что изъ Христовой вѣры сдѣлали попы! Они ни передъ чѣмъ не останавливаются, когда нужно угодить царямъ. По церковнымъ уставамъ жениться можно человѣку только три раза. А царя Іоанна грознаго вѣнчали попы семь разъ, каждый разъ какъ царю угодно было или убить свою жену или заточить ее въ монастырь. Но и этого мало: съ двумя женами

онъ жилъ невѣнчанный, но по особому «благословенію митрополита на сожитіе». Его благословляли открыто на блудъ!

Недавно еще сестру нынѣшняго царя, Ксенію Александровну. повѣнчали съ великимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ, который ей приходится близкимъ родственникомъ: онъ двоюродный братъ ея отца, Александра третьяго. Такихъ браковъ по закону церковь разрѣшить не можетъ. Но для царей и церковный законъ не писанъ. Нечего и говорить, что всякія преступленія царскія покрываются архіереями и попами.

До Петра великаго русской церковью управляли патріархи, которые имѣли въ церковныхъ дѣлахъ полную власть и, хотя и угождали царямъ, но въ дѣлахъ духовенства могли распоряжаться самостоятельно. Петру это не понравилось: онъ патріарховъ взялъ да уничтожилъ и велѣлъ учредить вмѣсто патріарха святѣйшій синодъ изъ нѣсколькихъ архіереевъ, которыхъ началъ назначать самъ, конечно, изъ людей ему болѣе угодныхъ. Такъ дѣлается двѣсти лѣтъ, до теперешняго времени.

Но царь не только сажаетъ, кого хочетъ, изъ архіереевъ въ синодъ, онъ взялъ себѣ право назначать самихъ архіереевъ. И вотъ теперь въ газетахъ всякій можетъ прочесть, что государь императоръ всемилостивѣйше повелѣлъ такому-то архимандриту быть архіереемъ тамъ-то, или такого-то епископа назначить митрополитомъ, или такого-то на покой уволить въ такой-то монастырь. Словомъ, архіереями царь распоряжается, какъ своими лакеями или чиновниками. Повторяю, что получаютъ мѣста тѣ, которые ему угождаютъ и что если мало-мальски вздумаетъ какой архіерей говорить правду, его выгоняютъ. Такъ, выдающагося архіерея, члена святѣйшаго синода, Арсенія Мацѣевича, который позволилъ себѣ отстаивать права духовенства, Екатерина великая сперва заточила, какъ простого монаха, въ монастырь, а потомъ велѣла лишить монашескаго званія, заковать въ кандалы и подъ именемъ Андрея Враля посадить въ военную тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. И теперь еще всякаго священника,

который позволяетъ себѣ во имя Христа не подчиняться беззаконнымъ распоряженіямъ свѣтской власти, лишаютъ по царскому приказу сана и сажаютъ въ подвалы спасо-ефимьевскаго монастыря. Нѣкоторые прожили тамъ въ потьмахъ лѣтъ тридцать и больше, многіе съ ума сошли и все-таки продолжаютъ тамъ сидѣть, перенося невѣроятныя мученія.

Кому послѣ этого, спрашивается, должны служить архіереи и попы: Христу или царю? Зато, если они покорны царю и его чиновникамъ, они получаютъ повышенія, громадные многотысячные доходы и ордена точь-въ-точь какъ и чиновники. Имъ же дано право грабить народъ, брать съ него за таинства, за требы, за метрики деньгами, хлѣбомъ, землей, сколько ихъ душѣ угодно. Если прихожане не платятъ священнику, онъ можетъ обратиться къ свѣтской власти и становой расправляется съ непокорными силой. Теперь, какъ народъ сталъ сознательнымъ, такіе случаи, когда духовенство обращается къ полиціи за помощью противъ прихожанъ, повторяются часто. Архіереи во многихъ епархіяхъ боятся ѣздить безъ стражи и имъ даютъ охрану изъ казаковъ, когда они объѣзжаютъ епархію; а воронежскій и по городу ѣздитъ, окруженный казаками. За эту помощь, за возможность грабить народъ, духовенство душой и тѣломъ передалось царю, всюду проповѣдуетъ, что самъ Богъ за царя, что если кто не повинуется ему, то ему грозитъ вѣчное мученіе въ аду. Имя царское на каждомъ шагу повторяется въ церкви. А несчастный темный народъ еще вѣритъ, что царь, дѣйствительно, покровитель церкви.

Нѣтъ! не покровитель онъ церкви, а гонитель ея. Не Христу служатъ попы, а царю и міру. Напрасно путаютъ они въ свои темныя дѣла имя Христово: Христосъ тутъ не при чемъ. Напротивъ, союзъ царя съ попами направленъ противъ Христа и противъ народа!

VII. Царь и земля.

Спросите любого крестьянина, кто довелъ крестьянство до того ужаснаго состоянія невѣжества и нищеты, въ которомъ онъ теперь находится? И онъ вамъ отвѣ-

тить, что его главный врагъ дворяне. Кто ихъ истязалъ сотни лѣтъ? Кто поролъ ихъ безъ жалости? Кто насиловалъ ихъ женъ и дочерей? Кто деретъ съ нихъ немилосердныя аренды за землю? Кто и теперь заставляетъ ихъ работать, какъ рабовъ? Кто штрафуетъ ихъ безъ суда за дѣло и безъ дѣла? Кто издѣвается надъ нимъ? Всякій отвѣтитъ, что вѣковѣчный врагъ крестьянъ—это дворяне-помѣщики.

А спросите ихъ про царя! И теперь еще найдется много крестьянъ, которые скажутъ, что царь-то желаетъ народу добра, да помѣщики, которые его окружаютъ, не даютъ ему помочь народу, что и землю царь бы далъ крестьянамъ всю, да не можетъ этого сдѣлать, что дворяне его чуть въ плѣну не держатъ.

Правда, за послѣднее время нѣкоторые крестьяне разобрались въ этомъ и поняли на чьей сторонѣ царь, но далеко не всѣ еще. Поэтому необходимо уяснить себѣ отношеніе царя къ помѣщикамъ и крестьянамъ. Необходимо разобраться крестьянамъ въ вопросѣ, кто же имъ не даетъ земли, въ которой они такъ нуждаются. Прежде всего посмотримъ, откуда у помѣщиковъ земля? Землю всю помѣщики получили отъ царей. Прежде вся земля была казенная, принадлежала всему народу. Распоряжались ею, какъ хотѣли цари, благо были самодержавные. И вотъ часть земли они отдавали крестьянамъ, но не въ собственность, а цѣлымъ обществамъ постольку, поскольку это нужно было имъ для прокормленія. Если у общества было много лишней земли, то царь распоряжался, чтобы къ этому обществу приписать еще побольше крестьянъ. Такъ образовались поселки государственныхъ крестьянъ. Отдѣльныхъ крестьянъ никто и знать не хотѣлъ: знали такое-то село, знали, что въ немъ столько-то душъ: мало оказывалось—приписывали еще; много—переселяли часть на новыя земли. Распоряжались этими крестьянами чиновники, какъ скотомъ.

Другое дѣло—дворяне. Дворяне служили при дворѣ царскомъ, занимали мѣста чиновниковъ, генераловъ, офицеровъ. Когда царь былъ доволенъ ихъ службой, то въ награду давалъ имъ земли. Но не по пяти-

шести десятинъ на душу, какъ крестьянамъ, а по тысячѣ десятинъ, а то и по десяткамъ тысячъ. Цари давали земли своимъ любовницамъ, царицы—любовникамъ, иногда по цѣлому уѣзду. А чтобы было кому эту землю обрабатывать, въ придачу къ землѣ, давали и крестьянъ сотнями и тысячами. Ни дать, ни взять, какъ скотину; только скотину считаютъ головами, а крестьянъ душами. Эти крестьяне дѣлались рабами, крѣпостными дворянъ, которые могли ихъ продавать, ссылать въ Сибирь, а то и запарывать до смерти—какъ хотѣли. Если государственнымъ крестьянамъ тѣсно становилось, то ихъ дѣло было искать себѣ другой работы, а то могли и умирать съ голоду. Если помѣщику нужна была еще земля или работники, то имъ прибавляли цари, что нужно.

Ужъ изъ этого одного видно, что цари не только никогда не были на сторонѣ народа, но крестьянъ и за людей-то не считали. Сообразно съ этимъ писались и законы всѣ. Все дѣлалось, чтобы было хорошо помѣщикамъ, а о крестьянахъ и головы-то не ломали.

Дворяне, конечно, были благодарны царямъ, такъ какъ ждали отъ нихъ новыхъ милостей, продолжали имъ служить, изъ своихъ крѣпостныхъ набирали царю войско. Цари тоже цѣнили службу дворянскую и, когда крестьяне думали бунтовать противъ помѣщика, усмиряли ихъ войсками.

Такъ длилось сотни лѣтъ. Цари часто громко называли себя первыми дворянами Россіи. И никого это не удивляло, что царь называетъ себя дворяниномъ. Вѣдь онъ, владѣя милліонами десятинъ земли, дѣйствительно являлся самымъ крупнымъ помѣщикомъ въ Россіи. А если бы онъ сказалъ, что онъ первый крестьянинъ Россіи, то всѣ почувствовали бы, что онъ съ ума сошелъ.

Какъ же это случилось, что крестьяне этого не поняли? Какъ могли они такъ долго заблуждаться, что царь за нихъ стоитъ, а не за дворянъ? Объясняется это темнотой народной. Имъ въ церквахъ читали манифесты царскіе,—въ которыхъ говорилось, что царь равно любитъ всѣхъ своихъ подданныхъ; подкуплен-

ные чиновники и попы имъ это тоже внушали; а если кто позволялъ себѣ въ этомъ усумниться, то его засѣкали до смерти. Учиться крестьянамъ не давали, а если кто и выучится читать, то кромѣ житія святыхъ, да книжекъ про добродѣтель царскую ему ничего не попадало въ руки. И повѣрилъ народъ, что и впрямь царь за него стоитъ.

Когда уже совсѣмъ невыносимо стало крестьянамъ жить въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, они стали кое-гдѣ бунтовать. Помѣщики испугались; а пуще всѣхъ испугался самъ царь. Онъ отпустилъ крестьянъ на волю и даже далъ имъ надѣлы земли. Царя Александра второго крестьяне очень за это полюбили, думая, что онъ самъ, жалѣя ихъ, далъ волю. Но жестоко они ошиблись. Не изъ жалости далъ онъ волю крестьянамъ, а отъ страху. Онъ такъ прямо и говорилъ, что лучше дать имъ волю, нежели чтобы они сами ее взяли. Главная забота царя заключалась въ томъ, чтобы какъ можно лучше обезпечить милыхъ его сердцу дворянъ. Коли земли дали крестьянамъ, то только изъ опасенія, какъ бы они не взбунтовались, и, дѣйствительно, его планъ удался. Народу не только не дали всей земли, но не дали даже всего того, чѣмъ онъ прежде пользовался при крѣпостномъ правѣ. Многіе вышли на волю на такъ называемомъ дарственномъ надѣлѣ.

Но темный народъ все-таки долго послѣ воли вѣрилъ въ царя. Теперь только онъ сталъ немного разбираться. Народу размножилось столько, что нищенскихъ надѣловъ стало не хватать: народъ потребовалъ земли. Тутъ уже и слѣпымъ стало видно, кто врагъ и кто другъ. Николай второй открыто сталъ на сторону помѣщиковъ: онъ принимаетъ ихъ, ласкаетъ. Когда крестьяне, выведенные изъ терпѣнія, отбираютъ у помѣщиковъ хлѣбъ, чтобы не умереть съ голода, царь посылаетъ отрядъ за отрядомъ разстрѣливать крестьянъ, отбирать у нихъ не только отнятое у помѣщиковъ, но и ихъ собственное имущество. Убытки помѣщиковъ вознаграждаются царемъ съ избыткомъ изъ народной же казны, при чемъ на это идетъ милліонъ за милліономъ. Ни передъ какимъ звѣрствомъ не оста-

навливается царское правительство, когда оно расправляется съ крестьянами. Оно не разбираетъ ни праваго, ни виноватаго. Оно не останавливается передъ сожженіемъ цѣлыхъ деревень. Оно не щадитъ ни стариковъ, ни женщинъ, ни дѣтей.

И не можетъ царь отговориться незнаніемъ того, что дѣлается его именемъ: довольно про это пишется въ газетахъ. Самъ онъ нѣтъ, нѣтъ, да и выпуститъ манифестъ, что, молъ, не ждите, крестьяне, земли. Собственность помѣщиковъ на землю священна. Покупайте у нихъ землю черезъ крестьянскій банкъ! А жить переселяйтесь въ Сибирь!

Какъ будто забываетъ царь, что денегъ нѣтъ у крестьянъ, чтобы платить помѣщикамъ за землю ростовщическія цѣны, какъ будто забываетъ, что и въ Сибирь безъ денегъ не уѣдешь. Впрочемъ, царь милостивъ: онъ и свои громадныя имѣнія, удѣльныя и кабинетскія, продаетъ черезъ крестьянскій банкъ!

Да! Подлинно царь первый дворянинъ, первый помѣщикъ Россіи. Надо хорошенько это понять крестьянамъ и перестать надѣяться на него. А словамъ не вѣрить, когда онъ говоритъ, что любитъ крестьянство и что всѣ сословія для него одинаково дороги.

VIII. Царь и собственность.

Мы видѣли, что царь самый большой капиталистъ не только въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ. Мы видѣли, что царь самый крупный помѣщикъ опять-таки не одной Россіи, но и всего міра. Мы видѣли, что у него громаднѣйшія фабрики.

Съ другой стороны, мы видимъ, что бѣдный, трудящійся народъ умираетъ съ голоду и холоду, потому что его давятъ кругомъ капиталисты-ростовщики, помѣщики, фабриканты. Теперь спрашивается: чью руку тянетъ царь въ этой вѣчной борьбѣ трудящихся съ богачами? Руку бѣднаго народа, или его богатыхъ насильниковъ? Повторяемъ, что другого отвѣта на этотъ

вопросъ и быть не можетъ, какъ тотъ, что царь всегда будетъ и не можетъ не быть противъ народа.

Дѣйствительно, если предположить, что онъ противъ богачей, то значило бы, что онъ идетъ противъ своихъ собственныхъ интересовъ. Вообразимъ, что онъ услыхалъ бы вопль народный и рѣшился бы издать законъ, что вся земля переходитъ народу: ему поневолѣ пришлось бы отдать народу прежде всего свою собственную землю. То же приходится сказать и о фабрикахъ, промыслахъ, и капиталахъ. Даже если бы народъ и согласился оставить ему его богатства и удовлетворился бы богатствомъ остальныхъ богачей, эти самые богачи возстали бы противъ этого, и спросили бы царя, какъ онъ можетъ издавать законъ противъ нихъ, не подчиняясь ему самъ? И они были бы правы. А царю бы, конечно, не сдобровать.

Да и на престолѣ-то своемъ онъ держится лишь потому, что богатъ. Будь онъ бѣденъ, не имѣй за себя дворянства, духовенства, чиновниковъ, и другихъ богачей,—ему бы не усидѣть на престолѣ. Онъ держится на немъ только грубой силой и обманомъ. Силы бы у него этой не было безъ денегъ. Всѣ эти придворные и генералы, которые теперь горой стоятъ за него изъ-за личныхъ выгодъ, немедленно отъ него отвернулись бы. Да и передъ народомъ бы скоро раскрылось бы все духовное и умственное убожество царя. Царь можетъ выдавать себя за земного бога, когда сидитъ въ своихъ неприступныхъ дворцахъ, далеко отъ народа, и когда вся чиновничья и духовная свора опутываетъ народъ разсказами про него. А будь онъ бѣдный человѣкъ, народу доступный, скоро бы для всѣхъ стало ясно, что онъ народу вовсе не нуженъ, и его не только не стали бы считать народнымъ благодѣтелемъ, не только не оставили ему его самодержавныя права, но попросту попросили бы убраться.

Царь держится только силой, богатствомъ, народной темнотой. А поэтому онъ, волей неволей, долженъ опираться на богачей. Рука руку моетъ! А какъ онъ старается для богачей! Какъ всѣ законы составлены для ихъ пользы, чтобы удобнѣе имъ было давить бѣдняковъ

Получается страшная нелѣпость. Громадное большинство народа работаетъ до изнуренія на землѣ, на фабрикахъ, въ школахъ, въ мастерскихъ. И этотъ весь трудящійся людъ голодаетъ, мерзнетъ въ своихъ конурахъ, ходитъ раздѣвши, болѣетъ, умираетъ преждевременно. Меньшинство, кучка богачей, помѣщиковъ, фабрикантовъ, пользуется всѣми благами міра, не работая. Имъ все дается безъ труда. Вся наука къ ихъ услугамъ. Удивляются, какъ много изобрѣтеній сдѣлано за послѣдніе десятки лѣтъ. Но на чью они пользу? Только богатыхъ. Изобрѣли разныя электричества, телефоны, машины. Ученые стали доктора, механики, адвокаты. Для кого все это? Кому они служатъ? Только богатымъ! А бѣдняки въ деревняхъ или въ рабочихъ кварталахъ и теперь живутъ, какъ сотни лѣтъ назадъ, при коптилкахъ, а то и вовсе безъ свѣту, съ непроѣздными отъ грязи дорогами, съ неучеными бабками и знахарями. Все для богатыхъ тунеядцевъ! Ничего для работающихъ бѣдняковъ! Ну развѣ это не нелѣпость?

Теперь посмотримъ, что насчетъ этого говоритъ царь. Онъ на всѣ лады, въ манифестахъ, въ рѣчахъ, всюду повторяетъ одно и то же: собственность священна; никто не можетъ ничего взять у другого насиліемъ. Выходитъ какъ бы и недурно. Если собственность священна, то очевидно полагается, что священно право богача на его имѣніе и такъ же священно право бѣдняка на заработанный цѣлковый? А что мы видимъ на дѣлѣ? Что бы бѣднякъ ни заработалъ, онъ своимъ считать не можетъ. Не говоря уже о насиліи, о самовольныхъ, накладываемыхъ на него штрафахъ, о взяткахъ, которыя онъ долженъ давать, но и по закону, его заработокъ у него залежаться не можетъ: онъ неудержимо плыветъ въ карманы богачей, незамѣтно для него самого. Если рабочій или крестьянинъ заработалъ сегодня рубль, завтра этотъ рубль уже не у него. Онъ или отдалъ его за аренду земли, или отнесъ лавочнику, или онъ взятъ въ казну въ видѣ податей, или, незамѣтно для бѣдняка, въ видѣ акциза на вино, на табакъ, на чай, на керосинъ. А изъ казны извѣстно куда онъ идетъ: или къ царю, или къ чиновникамъ, въ

томъ или другомъ видѣ. А у царя и богачей этотъ цѣлковый остается и очень даже прочно. И они прикладываютъ его къ прежнимъ цѣлковымъ, и растетъ ихъ богатство.

И все это по закону, и помимо или вопреки закона. Говорятъ, что нашъ народъ часто лѣнится, часто пропиваетъ послѣднее. Да, это бываетъ. Но при этомъ не договариваютъ, что жизнь бѣдняка такъ устроена, что пей онъ, не пей—все равно у него деньги остаться не могутъ. Трудомъ рукъ своихъ человѣкъ нажить ничего не можетъ. Бѣднякъ весь въ долгу: коли у него ничего нѣтъ, то не все ли равно имѣть долгу сто рублей или сто одинъ рубль. Онъ и не сознаетъ этого часто. Ему такъ твердятъ всегда про священныя права собственности, такъ онъ и привыкъ видѣть собственность только въ рукахъ богачей, что онъ свой рубль и за собственность не считаетъ. Не то, что богачъ, который наживаетъ рубль за рублемъ и составляетъ себѣ этимъ богатство.

Можно ли теперь назвать богатствомъ честно нажитымъ, такое богатство, которое дается нѣкоторымъ людямъ безъ всякаго труда, за то только, что онъ родился помѣщикомъ, торговцемъ, а не рабочимъ, не крестьяниномъ? Конечно нѣтъ! Такое богатство нажито не честнымъ трудовымъ путемъ, а грабежомъ, хотя бы по закону позволеннымъ. Самая эта собственность и защита ея закономъ царскимъ и царскими чиновниками является результатомъ скрытаго насилія и тайнаго грабежа.

Выходитъ, что говоря о собственности, царь имѣетъ въ виду ограждать закономъ и силой не всякую собственность, большую и маленькую, не одинаково—имѣніе помѣщика и двугривенный, заработанный крестьяниномъ, а только крупную собственность, только фабрики, только капиталы, а не убогій скарбъ бѣдняка. Наоборотъ, царскій законъ такъ составленъ, что онъ способствуетъ обогащенію богатыхъ и разоренію народа. «Богатому дано будетъ и преизбудетъ, а у неимущаго отнимется и послѣднее!» Такъ же не стоитъ приводить примѣровъ покровительства законовъ богачамъ, какъ

не стоитъ указывать на примѣры злоупотребленія властью чиновниками. Всякій имѣетъ эти примѣры передъ глазами.

Взять недоимки. За помѣщикомъ, у котораго амбары ломятся отъ хлѣба, числятся тысячи: его становой не трогаетъ. А съ крестьянина берется, когда онъ долженъ гроши, все: послѣдняя овца, самоваръ, крыша съ дома. Ушелъ рабочій изъ имѣнія или съ фабрики—его наказываютъ судомъ въ уголовномъ порядкѣ. Помѣщикъ его прогналъ, не давъ разсчета, помѣщикъ оказывается правъ. Исколотитъ богачъ бѣдняка до полусмерти—его въ худшемъ для него случаѣ штрафуютъ на три цѣлковыхъ. Нагрубитъ рабочій помѣщику—онъ и безъ суда и по суду сидитъ въ клоповникѣ. Вездѣ, во всемъ и всегда правъ богачъ, виноватъ бѣднякъ.

И царь не можетъ отговариваться тѣмъ, что онъ этого не знаетъ, что это дѣлается помимо его воли. Весь законъ такъ составленъ. Послушайте рѣчи царскія на коронаціяхъ. И Александръ третій и Николай второй повторяли крестьянамъ на всѣ лады: «слушайте помѣщиковъ, уважайте собственность». А сказалъ онъ когда дворянамъ или купцамъ жалѣть крестьянъ и рабочихъ? Нѣтъ, онъ ихъ ласкаетъ, обѣщаетъ имъ поддержку. А когда нужно посылаетъ эту поддержку въ видѣ отрядовъ полиціи и войскъ. Милліоны, десятки милліоновъ расходуются царемъ изъ народной казны для защиты помѣщиковъ и фабрикантовъ. Стражникамъ выдается и вооруженіе и жалованіе все для одного, чтобы заставить бѣдняковъ подчиниться капиталистамъ.

Пора, право пора народу понять, что за спиной его насильниковъ—царь. Только понявъ это, только убѣдившись, что царь—главный врагъ бѣдняковъ, трудящійся народъ станетъ на правильный путь къ своему спасенію отъ богачей грабителей.

IX. Царь и войско.

Какъ ни крѣпокъ союзъ царя съ духовенствомъ, дворянствомъ, чиновниками и богачами, что бы они могли сдѣлать противъ воли народной, не будь въ ихъ

распоряженіи милліоннаго войска? Что сдѣлаетъ помѣщикъ со становымъ, да съ попомъ въ придачу, когда вздумаютъ крестьяне возмутиться и вернуть себѣ права свои? Что сдѣлаетъ губернаторъ одинъ, коли рабочіе не захотятъ давать себя въ обиду? Ровно ничего, кабы у нихъ не было за спиной вооруженной силы царскихъ войскъ. Зато село цѣлое или цѣлая фабрика съ пустыми руками ничего не подѣлаютъ противъ сотни солдатъ или казаковъ съ ружьями, штыками, да еще пушками и пулеметами. Все дѣло, разъ у народа раскрылись глаза, въ силѣ войскъ.

Это давно поняли цари и издавна употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы войско всегда стояло за нихъ. И надо отдать царямъ справедливость, что дѣлали они это съ чрезвычайнымъ искусствомъ. Безъ войска сильнаго, большого, нельзя—говорили и говорятъ они. Безъ войска придутъ иностранцы и возьмутъ русскую землю. И народъ вѣрилъ этому и давалъ солдатъ. Все это шло тихо и мирно до послѣдняго времени. И только за послѣдніе два года увидали, что войска-то японцевъ не побѣдили, а что теперь они стрѣляютъ въ кого? Въ русскій же народъ. Поняли теперь, да поздно, къ чему все это дѣло сводилось. Теперь войска для чего въ Россіи? Для войны съ иностранцами? Нѣтъ, никто на Россію не нападаетъ. Они для того, чтобы защищать помѣщиковъ отъ крестьянъ, фабрикантовъ отъ рабочихъ, а главное, чтобы охранять царя. Какъ же это все сдѣлалось? Въ этомъ надо разобраться.

Двумя вещами держится войско въ повиновеніи у царя: присягой и дисциплиной. И въ томъ, и въ другомъ оказался страшный обманъ. О присягѣ мы уже говорили. Если присяга обязательна для всякаго, то для солдата и того болѣе. Присяга подневольная и для солдата обязательна быть не можетъ. Но пусть такъ. Пусть, коли присягалъ человѣкъ, онъ хочетъ держаться присяги. Но въ томъ вопросъ, кому солдатъ присягаетъ? Царю и отечеству! Что такое отечество? Отечество, конечно, весь русскій народъ. Когда солдатъ присягаетъ, онъ думаетъ, что царь самимъ Бо-

гомъ данъ народу какъ бы въ отцы. По его мнѣнію выходитъ, что присягать, что царю, что отечеству— все равно. А на дѣлѣ-то вышло совсѣмъ не то. Царь-то оказался отцомъ не для народа—для народа онъ оказался лиходѣемъ,—а для богачей, поповъ, чиновниковъ и помѣщиковъ. А солдату, какъ бы забывая про отечество, внушаютъ всячески, что его присяга относится къ царю, и они слѣпо стоятъ за царя. Могли бы солдаты понять, что тутъ очевидный обманъ и что присяга его не потому только для него не обязательна, что она подневольная, но и потому, что она обманная. Чтобы онъ этого не понялъ, съ той минуты какъ онъ попадаетъ въ казармы, ему жужжатъ въ уши все про царя, да еще придумали, что онъ долженъ защищать царя не только отъ врага внѣшняго, но и отъ внутренняго. А внутреннимъ-то оказался самъ народъ.

Другой обманъ, которымъ опутали солдата—дисциплина. Дисциплина нужна на войнѣ. Если въ войскѣ не будетъ дисциплины, воевать нельзя, если одна рота пойдетъ впередъ, другая захочетъ отступить: понятно войско будетъ разбито. Но что сдѣлали изъ дисциплины? Подъ словомъ дисциплины стали требовать отъ солдата слѣпого повиновенія начальству, что бы оно ни приказывало. Не царя долженъ солдатъ слушаться, а всякаго начальника, будь то генералъ, офицеръ или унтеръ. И не только въ военномъ дѣлѣ долженъ онъ слушаться, но и во всякомъ. Велитъ старшій встать—встань, ложиться—ложись, стрѣлять въ отца родного—стрѣляй. Такъ-таки и учатъ солдатъ. А солдаты по слѣпотѣ своей слушаются и стрѣляютъ въ своихъ братьевъ.

Такимъ образомъ, присягой и дисциплиной довели солдатъ до того, что они какъ бы перестали быть людьми, а сдѣлались какими-то машинами безъ собственной воли, безъ права разсуждать.

Войско раздѣлено на двѣ части: генералы и офицеры съ одной стороны, низшіе чины съ другой. У тѣхъ всѣ права, вся власть, всѣ выгоды службы, у этихъ всѣ обязанности, всѣ мученія, вся тяжесть службы. И эти права даны офицерамъ никѣмъ инымъ

какъ царемъ, такъ же какъ и обязанности возложены на солдатъ царемъ. Такъ же какъ царь называетъ себя первымъ дворяниномъ Россіи, такъ же онъ можетъ назвать себя первымъ офицеромъ арміи. Мы видѣли, что онъ отъ рожденія считается офицеромъ, онъ всегда носитъ офицерскій мундиръ, время проводитъ съ офицерами. Зато отношеніе его къ офицерамъ совсѣмъ другое, чѣмъ къ солдатамъ. Съ офицерами на одной присягѣ да дисциплинѣ не выѣдешь: они требуютъ большаго. Поэтому имъ даются кромѣ правъ надъ солдатами еще и различныя выгоды: большое жалованіе, пенсіи. Изъ офицеровъ выходятъ въ губернаторы, въ министры. Офицеровъ царь принимаетъ у себя, бываетъ у нихъ на собраніяхъ, кутятъ вмѣстѣ, пьютъ вмѣстѣ шампанское. Этого всего мало. Офицерамъ и генераламъ царь далъ право грабить казну и не только казну, но и солдатъ. Они выгадываютъ на солдатской пищѣ, на солдатскомъ обмундированіи, на военномъ снаряженіи. Изъ-за казнокрадства мы проиграли японскую войну, потопили весь флотъ свой. Всѣ суда были сдѣланы на живую нитку, потому что всѣ морскіе офицера съ великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ во главѣ крали при постройкахъ. Генералы возили съ собой, кто семью, кто любовницъ, пили, кутили на войнѣ и вернулись съ капиталами.

Другое дѣло солдаты. Правда, царь иногда называлъ и ихъ братцами, но дальше любовь его къ нимъ не идетъ. Солдатъ держатъ страхомъ да обманомъ. Жалованіе они получаютъ такое, что девятилѣтняя дѣвочка въ нянькахъ больше получитъ. Живя въ полку, солдатъ еще тянетъ послѣдніе гроши изъ семьи. А что еще получаетъ онъ отъ царя? Послѣ смотра царскаго цѣлковый строевымъ и полтинникъ не строевымъ, да чарку водки въ праздникъ—вотъ и все. А на службѣ они не только должны во всемъ исполнять приказанія офицеровъ, но и терпѣть отъ нихъ оскорбленія и побои. Сколько солдатъ оглохло отъ этихъ побоевъ! Сколько ихъ получило чахотку и умерло! Солдатъ заставляютъ служить офицерамъ, стирать на нихъ, готовить имъ пищу, няньчить ихъ дѣтей. За

это часто послѣдніе гроши, высылаемые имъ изъ деревни, выкрадываются начальствомъ и не доходятъ до солдатъ. Такъ было, напримѣръ, въ гвардейскомъ казачьемъ полку.

А на войнѣ? Пока генералы пили шампанское, солдаты сидѣли безъ хлѣба, безъ сапогъ, безъ теплой одежды. Все: провіанты, оружіе, одежду, лѣкарства и высылаемые съ родины гостинцы—все раскрадывалось начальствомъ.

Сама война была затѣяна, чтобы богатства Манджуріи и Кореи попали... вы скажете въ народную казну? Нѣтъ!.. Въ царскій карманъ и въ карманы его родственниковъ и приближенныхъ! А что сдѣлалъ царь для солдатъ? Пожертвовалъ ли онъ изъ своихъ милліардовъ что-либо на раненыхъ? Перечтите-ка газеты и покажите эти жертвы! Ихъ не было, ибо и поѣзда имени ихъ величествъ отправлялись на деньги, собранныя съ жертвователей, а не изъ ихъ кармана. И калѣки-солдаты нищенствуютъ, и семьи побираются. Такъ любитъ царь своихъ солдатъ на дѣлѣ! А на словахъ онъ ихъ передъ войной и жалѣлъ, и ласкалъ, и объѣзжалъ, и благословлялъ, и образками надѣлялъ, чтобы добыли ему Манджурію своей кровью!

Но солдаты начинаютъ понимать. Возстали они въ Севастополѣ, и въ Свеаборгѣ, и въ Кронштадтѣ. Но возстанія не удались. Братъ поднялся на брата. Офицеры держатъ всѣхъ солдатъ въ плѣну или какъ въ тюрьмѣ, не позволяютъ выходить, принимать знакомыхъ, получать письма, читать газеты и книги. И продолжаютъ несчастные вѣрить въ свою присягу и въ свою дисциплину. Они разстрѣливаютъ крестьянъ, рабочихъ, своихъ же сознательныхъ товарищей-солдатъ. А царь зарылся въ своихъ дворцахъ, окруженный вѣрными гвардейцами: онъ поитъ ихъ водкой и, когда они во имя его истязаютъ народъ, вѣшаетъ на нихъ медали—истинныя печати каиновы. Но не слѣпые солдаты—Каины. Во всѣхъ грѣхахъ и во всей крови, которую они проливаютъ—во всемъ отвѣтъ долженъ будетъ отдать передъ народомъ главный Каинъ—русскій царь!

X. Царь и интеллигенція.

Сладко, очень сладко спалось русскимъ царямъ подъ охраной штыковъ и при долготерпѣніи русскаго народа, вѣрившаго въ нихъ, какъ въ Бога, по ученію духовенства, и пребывавшаго въ непросвѣтной темнотѣ и невѣжествѣ. Никому, кромѣ русскихъ царей, не выпадало на долю такъ долго властвовать болѣе чѣмъ стомилліоннымъ народомъ при полномъ спокойствіи, при полной увѣренности, что никто не смѣетъ посягнуть на его неограниченныя права. Но давно были въ народѣ люди, которые понимали въ чемъ дѣло, которые знали, кто виновникъ народныхъ страданій. Это была русская интеллигенція, преимущественно молодежь, которой наука открыла глаза на дѣйствительность, и которая готовилась принести себя въ жертву ради спасенія народа. Школъ на Руси цари открывали мало, да и въ тѣхъ, какія открывались, народъ затемняли больше баснями, нежели просвѣщали свѣтомъ истинной науки. Разсчитывать на царя, что онъ поможетъ образованію народа, не стоило, ибо онъ-то и боялся больше всего этого образованія, онъ-то и держалъ народъ преднамѣренно въ невѣжествѣ.

Какъ царь, испугавшись, далъ народу волю, многіе поняли, что это воля неполная, что не можетъ быть полной воли безъ всей земли, а что, съ другой стороны, не можетъ ея быть и при самодержавіи. Но народъ этого самъ не понялъ и до небесъ превозносилъ Александра второго, думая, что волю-то онъ далъ, лишь жалѣючи народъ. Рѣшилась интеллигенція раскрыть народу глаза на его положеніе и пошла въ народъ съ проповѣдью о томъ, что царь—его главный врагъ, что надо добиваться крестьянамъ всей земли, что надо урѣзать права богачей. Трудно себѣ вообразить, что этой молодежи пришлось претерпѣть. Ничего она не имѣла въ виду, кромѣ блага самого народа. Безъ средствъ, прокармливаясь впроголодь случайной работой, шла она къ рабочимъ на фабрики и въ деревню къ крестьянамъ проповѣдывать землю и волю. Это

конечно, стало извѣстно начальству. Всполошились чиновники, помѣщики и царь. И стали всѣми средствами преслѣдовать отважныхъ людей: стали сажать ихъ въ тюрьмы, ссылать на поселеніе въ Сибирь и на каторгу; болѣе отважныхъ вѣшали и разстрѣливали. Главныя старанія народныхъ враговъ были направлены къ тому, чтобы уберечь народъ отъ опасной для нихъ проповѣди. Для этого распускали въ народѣ всякія небылицы противъ молодежи, которую стали называть крамольниками. Стали говорить, не свободы они хотятъ для народа, а наоборотъ, возстановляютъ его противъ царя, чтобы вернуть крѣпостное право. Стали говорить, что они не только не хотятъ дать крестьянамъ еще земли, но и отобрать отъ нихъ ту, которую они получили. Въ особенности усердствовали попы: они говорили, что молодежь хочетъ уничтожить церкви и превратить ихъ въ конюшни. Они грозили муками ада всѣмъ, кто пойдетъ за ними. Они призывали народъ хватать ихъ и передавать властямъ.

И народъ, по темнотѣ своей, слушался ихъ, и предавалъ въ руки враговъ тѣхъ, кто за него же жертвовалъ свободой и жизнью. А власти съ неимовѣрной жестокостью расправлялись съ ними: за переданную книжку или листокъ полагалась ссылка въ Сибирь. За сопротивленіе полиціи при обыскѣ или арестѣ—висѣлица. Запрещалась, подъ угрозой страшныхъ наказаній, не только проповѣдь, что царя не нужно, но и малѣйшее указаніе на неправильныя дѣйствія царя и даже его ставленниковъ. Сказать громко, что царь что-либо дурно сдѣлалъ—уже считалось преступленіемъ. Въ борьбѣ съ интеллигенціей необычайнымъ звѣрствомъ отличались сами цари, отнюдь этого не скрывая. Особенно жестокими были Александръ третій, отецъ теперешняго царя, и самъ Николай второй. Гдѣ только могли, въ рѣчахъ и въ манифестахъ, они громили «крамольниковъ», какъ называютъ они всѣхъ, кто позволяетъ имѣть о нихъ свое сужденіе и кто не хочетъ безъ разсужденія подчиняться властямъ. Цари отмѣнили смертную казнь для уголовныхъ преступниковъ: сынъ можетъ убить свою мать, отецъ — ребенка

своего, и пойдетъ на каторгу. Но если человѣкъ, видя истязанія народа какимъ-нибудь министромъ или жандармомъ, осмѣлится не ради своей личной мести или выгоды, а ради пользы народной убить этого негодяя, то за него онъ пойдетъ на плаху. Цари въ числѣ своихъ державныхъ правъ имѣютъ право миловать преступниковъ. Если генералъ грабилъ солдатъ или если офицеръ исколотилъ солдатъ до смерти—о! такого онъ помилуетъ! Но «крамольника»—никогда! Теперь подумайте: если царь, имѣя право миловать, не милуетъ кого и даетъ его казнить, то не убійца ли онъ? И сколько такихъ убійствъ у царей на совѣсти, въ особенности у Николая второго.

Государственными дѣлами цари занимаются мало: это всѣмъ извѣстно. Они передаютъ свои права министрамъ, которымъ и даютъ дѣлать, что хотятъ. Но однимъ разрядомъ дѣлъ они интересуются и занимаются: это дѣла о политическихъ преступленіяхъ и преступникахъ, дѣла о «крамольникахъ». Это дѣла, касающіяся ихъ лично, ихъ цѣлости, ихъ правъ, ихъ богатствъ, ихъ спокойствія. Они читаютъ эти дѣла и дѣлаютъ свои надписи на поляхъ. Иногда, правда рѣдко, встрѣчается собственноручная. царская надпись: «Этотъ достоинъ смертной казни» или другая тому подобная. А то надпишетъ царь такъ: «какой страшный злодѣй». Или такъ: «и негодяй же онъ». Такихъ, конечно, вѣшаютъ, чтобы понравиться царю. Иногда надписи бываютъ мягче: «Это опасный человѣкъ», или: «убрать его куда-нибудь». Понятно, что послѣ такой надписи не миновать человѣку ссылки въ Сибирь. Если прибавить къ этому, что эти надписи дѣлаются царемъ на основаніи ложныхъ донесеній, а съ другой стороны, что слово русскаго царя—законъ, то понятно будетъ сколько беззаконій творится такимъ путемъ, сколько невинныхъ людей страдаетъ. Всѣ вышеприведенныя надписи взяты нами изъ дѣлъ. Но чѣмъ больше хватали и наказывали друзей народа, тѣмъ больше ихъ размножалось. Сорокъ лѣтъ тому назадъ политическихъ преступниковъ было на всю Россію человѣкъ пятьдесятъ-шестьдесятъ. Два года тому назадъ въ мини-

стерство Плеве сослано и подвергнуто заключенію по политическимъ дѣламъ въ теченіе одного года 3700 человѣкъ, т. е. въ семьдесятъ разъ больше. Ясно, что какъ царь и его холопы ни старались, но погасить мысль, заставить людей отказаться отъ служенія народу они не могли.

И проявили же цари въ этой борьбѣ съ крамолой невѣроятную жестокость! Судовъ обыкновенныхъ имъ показалось мало для политическихъ дѣлъ. Все же судъ разбираетъ дѣло, хотя и судятъ чиновники. Невинныхъ судъ отпускаетъ на свободу. Суду нужны доказательства, улики, чтобы осудить человѣка. Бываетъ и виновенъ человѣкъ, да уликъ нѣтъ. И идетъ на свободу. А политическаго на свободу отпустить царь и начальство не хотятъ. Лучше сто невинныхъ засадить, чѣмъ одного крамольника оставить на свободѣ. И ввелъ царь для политическихъ преступленій особые порядки: ихъ начали сажать и ссылать въ ссылку и и даже каторгу безъ суда. Покажется имъ, что человѣкъ не по ихнему думаетъ и говоритъ, хоть и нѣтъ противъ него ни свидѣтелей, ни уликъ, а его ссылаютъ на десятки лѣтъ въ такія мѣста Сибири, гдѣ жить хуже каторги, хуже смерти, ссылаютъ на многіе года. И далъ царь губернаторамъ, жандармамъ права издавать распоряженія, штрафовать, сажать, ссылать. Мало этихъ правъ губернаторамъ — имъ позволили судить людей по законамъ военнаго времени военными судами...

И это все для однихъ политическихъ. Обыкновенныхъ убійцъ, воровъ, поджигателей судили обычными судами. Получилась такая картина: чиновниковъ, полицію, офицеровъ и за настоящія преступленія не судятъ. Мошенниковъ, убійцъ судятъ, какъ и прежде, обыкновеннымъ судомъ. Политическихъ преступниковъ ссылаютъ безъ суда и вѣшаютъ военно-полевымъ судомъ. Почему же такъ? Кто этому причиненъ? Вѣдь вреднѣе, опаснѣе мужику конокрадъ, нежели студентъ, который даетъ ему книжку почитать? Въ томъ-то и дѣло, что не о мужикѣ печется царь, издавая законы, а о себѣ. Конокрадъ вреденъ мужику, у царя онъ лошади не уведетъ: у того запоры крѣпки. А студентъ,

хоть и полезенъ мужику, да вреденъ царю: онъ опасенъ для его самодержавія. Онъ раскрываетъ мужику тому же глаза на его права, на грабежи царскіе, на преступленія царскихъ чиновниковъ...

И царь преслѣдуетъ «крамольниковъ» изъ личной мести, изъ чувства личной безопасности, лишь прикрываясь словами, что политическій преступникъ опасенъ для Россіи. Не для Россіи опасенъ онъ, а только для самого царя. И мститъ же царь жестоко своимъ личнымъ врагамъ!

XI. Царь и революція.

Были на Руси цари разные, одни позлѣе, другіе подобрѣе, одни поумнѣе, другіе поглупѣе, но при всѣхъ народу жилось одинаково скверно. Основанія ихъ царской дѣятельности были неизмѣнно одинаковы. Богатства ихъ росли, а народъ бѣднѣлъ. Союзъ ихъ съ богачами и духовенствомъ никогда не нарушался. Всѣ они потворствовали чиновникамъ и держали народъ въ темнотѣ. Всѣ преслѣдовали истинныхъ друзей народа, пытавшихся раскрыть народу глаза на его бѣдственное положеніе. Но, несмотря на все это, народъ вѣрилъ въ царей своихъ. Только нынѣшнему Николаю второму выпало на долю разрушить эту вѣру народа въ него и въ царей вообще. Перемѣна эта произошла вслѣдствіе несчастной японской войны и открывшейся послѣ нея на Руси смуты.

Мы не будемъ останавливаться на этихъ событіяхъ, ибо все это слишкомъ хорошо извѣстно, слишкомъ выстрадано самимъ народомъ. Мы коснемся только участія въ нихъ самого царя.

Когда началась война съ Японіей, правительство и военное начальство старалось внушить народу и арміи, что война—за царя, отечество и вѣру. Кабы мы нюбѣдили, куда ни шло, присоединили бы Манджурію и Корею, и народъ былъ бы доволенъ. Ни одной, самой маленькой побѣды, мы не одержали; пораженіе шло за пораженіемъ; флотъ погибъ; сотни тысячъ лю-

дей погибли; раскрылись преступленія и бездарность начальства... Народъ заволновался, и помимо негодованія на начальство, поневолѣ сталъ ставить себѣ вопросъ: да изъ-за чего же мы воевали? Оказалось, что царя никто не трогалъ, Россіи никто не угрожалъ, что православная вѣра и вовсе тутъ ни при чемъ. Но зато узнали, что въ Манджуріи и Кореѣ правительство затѣяло на имя великихъ князей и разныхъ царскихъ приближенныхъ громадныя предпріятія. Огромныя пространства земли были откуплены, и право ихъ разрабатывать дано было этимъ царскимъ любимцамъ, при чемъ для защиты этихъ земель были посланы отряды русскихъ войскъ. Китай, которому принадлежитъ Манджурія, требовалъ, чтобы мы убрали свои войска съ ихъ земель. Царь обѣщалъ, назначалъ разные сроки, а подъ шумокъ посылалъ новыя войска. Словомъ, онъ грабилъ Китай, но не для Россіи, а для своего личнаго обогащенія, при чемъ деньги онъ на это тратилъ казенныя. Онъ зналъ, что изъ-за этого возгорится война, зналъ, что будетъ проливаться русская кровь, но край былъ такъ заманчивъ своимъ богатствомъ, что онъ рѣшился на явный грабежъ изъ-за своей личной выгоды и ради обогащенія своихъ родныхъ и друзей. Японія заступилась за Китай и разбила Россію, взявъ съ нея Портъ-Артуръ, половину Сахалина, отобравъ Манджурію въ пользу Китая. Безъ того обѣднѣвшая отъ самодержавія Россія вовсе разорилась. Народъ, наконецъ, понялъ, что его дурачатъ. Онъ увидалъ, что его обманываютъ, говоря, что на Россію напали коварные японцы. Онъ сталъ открыто роптать противъ начальства, онъ потребовалъ заключенія мира. Вся его горькая доля представилась ему и онъ усумнился въ царѣ. Царскіе клевреты продолжали внушать ему, что царь ни въ чемъ не виноватъ и что въ японской войнѣ, какъ и во всемъ, виноваты нѣкоторые чиновники и генералы.

Первые рѣшили объясниться лично съ царемъ петербургскіе рабочіе. Они сговорились всѣ вмѣстѣ итти къ нему, раскрыть ему глаза на беззаконія его окружающихъ и на страданія народныя. 9-го января 1905 го-

да они пошли въ числѣ болѣе двухсотъ тысячъ, съ женами и дѣтьми, къ зимнему дворцу, пошли безъ оружія, какъ къ отцу родному, просить защиты отъ чиновниковъ и фабрикантовъ. Они думали, что царь къ нимъ выйдетъ, выслушаетъ ихъ, скажетъ имъ доброе слово... Не тутъ-то было! Ихъ встрѣтили залпами. Сотни невинныхъ людей, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, были убиты; тысячи ранены. И чтобы не было сомнѣнія, что это сдѣлано по распоряженію самого царя, онъ позвалъ къ себѣ черезъ недѣлю нѣсколькихъ рабочихъ и велѣлъ передать товарищамъ, что разстрѣлять народъ было необходимо, ибо они бунтовали. Очевидно, ходить къ царю безъ спросу, по его, значитъ—бунтовать.

Ужаснулись петербургскіе рабочіе, а за ними и рабочіе другихъ городовъ Россіи. Ужаснулась интеллигенція и сознательные крестьяне. Тутъ только спала пелена съ глазъ ихъ, и они поняли какого отца они имѣютъ въ царѣ. Народъ сталъ волноваться то тамъ, то сямъ. Во многихъ мѣстахъ Россіи былъ неурожай: голодъ заставилъ и крестьянъ подняться противъ помѣщиковъ. Они отказывались платить безумно высокія аренды, требовали большей платы за свою работу, и, наконецъ, рѣшились объявить то, что десятки лѣтъ таилось въ ихъ груди, а именно, что вся земля должна перейти въ руки тѣхъ, кто ее пашетъ. Помѣщики ихъ требованія, конечно, отвергли. Тогда крестьяне во многихъ мѣстахъ стали насильно брать у помѣщиковъ хлѣбъ, безъ котораго ихъ семьи умирали съ голоду и тоже познакомились съ лаской царя-батюшки. Въ распоряженіи у помѣщиковъ оказалась полиція и войска. Полилась крестьянская кровь, загорѣлись крестьянскія лачуги, насиловались ихъ жены и дочери! То старались для помѣщиковъ слуги царскіе.

Всѣмъ дѣломъ распоряжался царь самъ. Чтобы зналъ народъ, что думаетъ царь и чтобы онъ боялся, царь разсылалъ по Россіи своихъ вѣрныхъ генералъ-адъютантовъ. Эти царскіе послы сами направляли дѣйствія войскъ, сами распоряжались при истязаніи розгами цѣлыхъ селъ. Отъ времени до времени царь писалъ манифесты, чтобы крестьяне и не думали о землѣ,

что собственность на землю священна. Онъ изъ казны выдавалъ милліоны помѣщикамъ, чтобы утѣшить ихъ. Онъ велѣлъ у помѣщиковъ скупать землю за счетъ крестьянскаго банка по безумно дорогимъ цѣнамъ. Словомъ, онъ всячески точно старался показать крестьянамъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не допуститъ ни малѣйшаго ущерба дворянамъ, въ расправѣ же съ ними, крестьянами, не остановится ни передъ какой жестокостью.

Сознаніе, что такъ долго продолжаться не можетъ, начинало проникать во всѣ классы населенія. Не одни трудящіеся крестьяне и рабочіе стали требовать перемѣнъ, заволновались и сами богачи. Дворяне, какъ ихъ ни поддерживалъ царь, были недовольны, когда ихъ усадьбы запылали, и самая жизнь ихъ перестала быть въ безопасности. Фабрики стали, ибо какая же торговля, когда въ народѣ голодъ и смута? По той же причинѣ почти вовсе прекратилась торговля съ заграницей, а это разорило банкировъ и капиталистовъ.

По всей странѣ стонъ пошелъ: дольше такъ жить нельзя! И страна поняла, въ комъ главное зло, поняла, что во всемъ несчастьѣ Россіи, и въ позорной войнѣ, и въ разореніи, и въ смутѣ причина одна—царь. Но и тутъ далеко не всѣ пришли къ выводу, который самъ напрашивался, что никакого царя въ Россіи не надо, и что народъ долженъ самъ собою управлять черезъ своихъ выборныхъ. Словомъ, что въ Россіи должна быть республика... Это поняли только соціалисты, самые передовые люди, которые вполнѣ воспріяли то ученіе, съ которымъ уже давно къ нимъ шла молодежь. Большинство же крестьянъ все не могло себѣ представить, какъ же это такъ русскій народъ будетъ жить да безъ царя. И вотъ они начали, кто просить, кто требовать, чтобы царь призвалъ къ себѣ выборныхъ отъ народа людей, которые лучше чиновниковъ знали бы народныя нужды и съ которыми царь раздѣлилъ бы труды по управленію страной.

6-го августа 1905 года царь вынужденъ былъ согласиться на созывъ народной думы, но законъ, по обыкновенію, вышелъ обманный. Только слава была, что

дума. Представителей имѣлъ право выбирать не весь народъ, а лишь преимущественно богатые классы, да при томъ рѣшенія думы были для царя необязательны. Представители должны были совѣщаться, высказывать свой взглядъ на тотъ или другой предметъ, но царь могъ по закону сдѣлать какъ разъ обратное.

На этотъ царскій манифестъ народъ не обратилъ никакого вниманія. Успокоенія въ народъ онъ не внесъ. Наоборотъ, вскорѣ послѣ него объявлена была великая всероссійская забастовка. Стали всѣ фабрики, почта, желѣзныя дороги. Во многихъ мѣстахъ народъ захватилъ власть въ свои руки. Ничего подобнаго въ Россіи царь и его чиновники не только не видали, но и не могли себѣ и во снѣ представить. Сначала они опѣшили, затѣмъ испугались. Главное, что на нихъ нагоняло жуть—это забастовка желѣзныхъ дорогъ и почтово-телеграфная. Извѣстій изъ провинціи нельзя было получать, нельзя было и передать туда приказаній. А слухи приходили для царя тревожные: войска братались съ народомъ.

И рѣшилъ царь въ первый разъ въ жизни итти на большую уступку: онъ рѣшилъ поступиться своимъ самодержавіемъ, лишь бы такъ или иначе сохранить престолъ и богатства.

17 октября неожиданно среди грохота солдатскихъ пуль выпущенъ былъ царскій манифестъ, который давалъ народу, конституцію, т. е. новые основные законы, царь пересталъ быть самодержавнымъ: онъ уже не могъ дѣлать, что хотѣлъ. Русскіе граждане по этой конституціи получали право говорить, писать, печатать свободно, что хотятъ, собираться, обсуждать свои нужды. Никто, ни полицейскій, ни прокуроръ не имѣлъ права человѣка арестовать иначе, какъ по приговору суда. Словомъ, народъ получилъ свободу. Кромѣ того, царь обязался созвать думу не изъ однихъ богачей, какъ по манифесту 6 августа, а призвавъ къ выборамъ всѣ классы населенія.

XII. Царь и свобода.

Обрадовался народъ. Царь рѣшилъ дать свободу. Царь созываетъ думу? Понимали, конечно, многіе, что онъ дѣлаетъ это не по доброй волѣ, не жалѣючи народъ, а отъ страха. Да не все ли равно, разъ свобода такъ или иначе будетъ, разъ дума соберется? Царь обязался ни одного закона не издавать безъ согласія думы. Значитъ, голосъ народа не будетъ заглушенъ чиновниками. Да и самъ царь долженъ подчиниться волѣ народной. Народъ прежде всего, конечно, потребуетъ черезъ думу землю, и получитъ землю. Онъ сократитъ своеволіе полиціи, прогонитъ казнокрадовъ, станетъ казну собирать не съ бѣдняковъ, а съ богачей. Такъ думалъ народъ, и обрадовался своей побѣдѣ. Многіе были готовы простить царю его старые грѣхи. Правда, говорили соціалисты не довѣряться царю и теперь, утверждали, что въ манифестѣ 17 октября кроется обманъ, что царь теперь-то, когда народъ взбунтовался, правда, и пошелъ на уступки, но что, когда народъ успокоится и онъ соберется съ силами, онъ откажется отъ обѣщанной народу свободы да и отъ думы.

Но громадное большинство народа все-таки повѣрило царю. Вѣдь онъ издалъ торжественный манифестъ открыто передъ лицомъ всей Россіи и даже всего міра. Мелкій жуликъ и тотъ, если что сказалъ при всѣхъ, отъ своихъ словъ не откажется. Какъ отказаться царю отъ обѣщаній, данныхъ передъ лицомъ всего міра? И народъ повѣрилъ, стали готовиться къ выборамъ своихъ депутатовъ. Но на первыхъ же дняхъ послѣ манифеста 17 октября, почувствовалось что-то неладное. 18 октября, когда несмѣтныя толпы народа, съ радостными пѣснями и знаменами съ надписью: «свобода», «земля и воля» пошли по улицамъ Петербурга, празднуя свою побѣду надъ самодержавіемъ, онѣ были встрѣчены самымъ любимымъ полкомъ царя, семеновскимъ, и разстрѣляны. Снова полилась, и послѣ манифеста, кровь безоружныхъ русскихъ гражданъ.

Графъ Витте, назначенный царемъ первымъ министромъ, чтобы ввести новые порядки, правда, говорилъ, что онъ не при чемъ въ этомъ дѣлѣ и что велѣлъ стрѣлять не онъ, а командиръ семеновскаго полка, полковникъ Минъ, на свой страхъ.

Полилась кровь въ эти дни не въ одномъ Петербургѣ, а во всей Россіи: начались погромы въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Громили евреевъ и интеллигенцію, ту самую интеллигенцію, которую уже десятки лѣтъ царь преслѣдовалъ и ссылалъ. Тысячи невинныхъ людей погибли: убивали, мучали, грабили по нѣсколько дней подрядъ, насиловали женщинъ, разрубали пополамъ дѣтей. Потомъ по какому-то невидимому знаку все успокаивалось. Оказалось, что въ погромахъ участвуютъ не одни хулиганы, но и переодѣтые полицейскіе и военные. Оказалось, что погромщиками руководили не только полицейскіе пристава, но и генералы и губернаторы. Дѣлали они это открыто, не стѣсняясь своей гнусности, но даже хвастаясь ею. Жандармы же въ погромахъ принимали участіе вездѣ.

Стонъ пошелъ по всей землѣ русской. Что же это? Кто это дѣлаетъ? Графъ Витте всѣмъ клялся, что правительство тутъ не при чемъ, что это самъ народъ стоитъ за старые порядки и громитъ интеллигенцію и евреевъ, которыхъ считаетъ крамольниками. Но народъ-то, мирный русскій народъ, который давно ужъ не громилъ соціалистовъ, давно уже зналъ, кто ему другъ и кто врагъ, понималъ, что это клевета на него и во всякомъ случаѣ ожидалъ, что вотъ правительство немедленно отдастъ подъ судъ всѣхъ этихъ губернаторовъ, жандармскихъ полковниковъ, полицейскихъ, которые осмѣлились ослушаться манифеста. Но день проходилъ за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ и никого въ отставку даже не уволили, не то что подъ судъ отдать. Всѣ открыто при тысячахъ народа братавшіеся съ погромщиками начальники—всѣ они остались на своихъ мѣстахъ или были переведены на другую, часто лучшую службу. Всѣ получили награды отъ царя.

Съ ужасомъ узналъ народъ, что полковникъ Минъ, разстрѣливавшій на другой день послѣ манифеста

петербургскую безоружную толпу, разъ за разомъ отъ царя получилъ нѣсколько наградъ самыхъ почетныхъ: генеральскій чинъ, владимирскій крестъ, а главное— взятъ въ царскую свиту, что составляетъ величайшій почетъ для военнаго человѣка. Дочь его взята во фрейлины, т. е. въ свиту царицы.

Отдали было подъ судъ одесскаго градоначальника Нейдгардта и минскаго губернатора Курлова, открыто разъѣзжавшихъ по улицамъ съ погромщиками, но сенатъ, несмотря на показанія тысячъ свидѣтелей, торжественно оправдалъ ихъ. Ясно было, что вся отдача ихъ подъ судъ была лишь комедіей, продѣланной правительствомъ, чтобы отвести глаза народу. Нейдгардтъ остался при дворѣ царя, Курловъ цѣлый годъ почти послѣ погрома оставался губернаторомъ въ томъ же Минскѣ.

Но скоро народу окончательно пришлось разочароваться въ доброй волѣ царя. Когда забастовка кончилась, народъ на основаніи манифеста сталъ открыто собираться на митингахъ и выражать свои требованія. Соціалисты, прежде прятавшіеся, выступили, не скрываясь. Тогда произошла невѣроятная вещь. Вѣря царскому слову, никто не стѣснялся говорить. Жандармы и полиція замѣчали, кто собираетъ народъ, кто говоритъ на митингахъ и до поры до времени молчали. А народъ и его друзья думали, что настала дѣйствительная свобода и что слово царское исполняется. Но скоро ихъ ожидало горькое разочарованіе.

Забастовка кончилась. Понемногу власть снова переходила въ руки правительства. «Вамъ дана свобода»— говорили министры—«будетъ дума. А пока надо же кому-нибудь править Россіей. Править ею будетъ царь попрежнему. Россія успокоится, и все пойдетъ тогда поновому, когда народъ въ думѣ выскажетъ свою волю». Такъ говорили они, а въ дѣйствительности они только подбирали выпущенныя изъ рукъ вожжи. И вотъ, когда опять войска стали слушаться своихъ генераловъ, когда слабыхъ губернаторовъ посмѣнили и замѣнили новыми, болѣе рѣшительными, то стали дѣйствовать постарому, разгонять митинги, закрывать газеты.

А всѣхъ соціалистовъ, забастовщиковъ, всѣхъ народныхъ друзей, которые были во главѣ движенія, которые, рискуя жизнью, заставили царя пойти на уступки—жандармы по составленнымъ спискамъ стали опять хватать, сажать по тюрьмамъ, ссылать, а то и вѣшать.

Но народъ на дѣло смотрѣлъ уже иначе. Онъ считалъ свободу своимъ правомъ и не поддавался насилію. Тогда уже не тайные погромщики, а само правительство стало открыто посылать войска на усмиреніе народа. Образовались карательныя экспедиціи, которыя дѣйствительно заливали кровью народною Россію. Нѣкоторыя экспедиціи жестокостью превзошли времена татарскаго нашествія. Генералы Алихановъ на Кавказѣ, Ренненкампфъ и Меллеръ-Закомельскій въ Сибири, Орловъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, Дубасовъ въ Москвѣ, семеновскій генералъ Минъ по станціямъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги оставили такіе кровавые слѣды, что народъ ихъ вѣкъ не забудетъ, какъ величайшихъ злодѣевъ.

Тюрьмы переполнились сверхъ мѣры. До ста тысячъ человѣкъ насчитывается арестованныхъ за политику въ зиму 1905—1906 годовъ. Послѣ манифеста о свободѣ дѣло пошло гораздо хуже для народа, чѣмъ до него. Самодержавіе чиновниковъ исчезло на бумагѣ, а на дѣлѣ еще усилилось. Невольно казалось, что всѣ эти свободы объявлены съ заднею мыслью: «Объявимъ мы свободу; народъ повѣритъ, станетъ говорить открыто; мы и узнаемъ его лучшихъ людей и заберемъ ихъ».

Но неужели царь могъ дойти до этого? Неужели онъ сознательно обманывалъ народъ? Да, царь все зналъ, всѣмъ руководилъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только послѣдить за его дѣятельностью въ теченіе зимы 1905—1906 года. Можно-ли предположить, что онъ не понималъ, что дѣлалъ, когда награждалъ Мина и всѣхъ другихъ самыхъ жестокихъ погромщиковъ и разстрѣливателей народа? Вѣдь не безсознательно же онъ освободилъ отъ суда всѣхъ убійцъ, которые убивали интеллигентовъ. Всякое сомнѣніе насчетъ его личнаго участія въ борьбѣ съ народомъ отпадетъ, если разсмотрѣть его отношеніе къ черной сотнѣ.

Помѣщики, чиновники и богачи возненавидѣли всей душой соціалистовъ, студентовъ и всю интеллигенцію, поднявшихся за свободу народа. Они стали собираться въ союзы, которые стали прикрываться громкими названіями въ родѣ «союза русскихъ людей», «партіи за царя и порядокъ», «общества хоругвеносцевъ» и другими. Всѣ эти сообщества открыто, при поддержкѣ министровъ и жандармовъ, вооружались сами, вооружали разныхъ подкупленныхъ хулигановъ, собирались подъ защитою полиціи говорить рѣчи, гдѣ призывали темный народъ избивать интеллигенцію, издавали гнусные листки съ призывомъ уничтожать «крамолу» и сами становились во главѣ погромщиковъ. Всѣ эти организаціи получили въ народѣ названіе *черной сотни*. Наглость ихъ доходила до того, что они постоянно изъ разныхъ мѣстъ посылали царю телеграммы, гдѣ просили его не уступать народу и вернуть себѣ самодержавіе, избивая соціалистовъ и евреевъ. Царь принималъ эти телеграммы и собственноручно отвѣчалъ на нихъ, благодарилъ за добрыя чувства писавшихъ. Эти телеграммы и царскіе отвѣты печатались въ правительственныхъ газетахъ. Но и этого мало: когда эти же предводители черной сотни собирались на съѣзды для выработки плана войны съ крестьянами и рабочими, они посылали депутаціи къ царю. Царь принималъ ихъ, разговаривалъ съ ними. Болѣе десяти такихъ депутацій заразъ онъ принялъ на новый годъ. Депутаты говорили ему отъ имени дворянства, обѣщали, какъ всегда, постоять грудью за самодержавіе, умоляли строже относиться къ дѣятелямъ освободительнаго движенія, не собирать думы, не давать земли крестьянамъ. Царь успокаивалъ ихъ, говорилъ не падать духомъ, благодарилъ за вѣрность. Всѣ его отвѣты тоже были напечатаны.

Союзъ русскихъ людей завелъ для своихъ членовъ значекъ для ношенія на груди съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца. По этому значку членовъ союза узнаетъ полиція; когда они убиваютъ кого-нибудь изъ соціалистовъ, то стоитъ показать значокъ, чтобы ихъ не трогали. Такъ вотъ этотъ значокъ депутація союза

русскихъ людей поднесла царю. Можно бы подумать, что онъ съ негодованіемъ отвергнетъ знакъ, который преступники носятъ, чтобы другъ друга узнавать, что онъ сочтетъ самое поднесеніе себѣ этого значка за великую дерзость. Нѣтъ, онъ значекъ принялъ, благодарилъ за подарокъ и сталъ его носить!

Послѣ всего этого никакого сомнѣнія уже быть не можетъ. Царь не только не стоитъ за народъ, но въ близкомъ общеніи со злѣйшими его врагами. Царь во главѣ черной сотни: онъ много разъ открыто въ этомъ признавался въ своихъ рѣчахъ, въ своихъ телеграммахъ черносотенцамъ. Онъ на груди носитъ черносотенскій значекъ. Онъ сознательно обманулъ русскій народъ, объявивъ свободы въ манифестѣ 17-го октября. Онъ только выпытывалъ народъ, чтобы потомъ легче расправиться съ народными героями.

Но онъ не только въ свободахъ обманулъ народъ: онъ обманулъ его и обѣщаніемъ созвать думу.

XIII. Царь и дума.

Уже 6-го августа, до великой всероссійской забастовки, царь обѣщалъ народу думу. Но тогда онъ далъ право выбирать депутатовъ не всему народу, а только богачамъ, у которыхъ имѣнія, дома или которые занимаютъ дорогія квартиры или получаютъ большое жалованіе. Словомъ, право голоса при выборѣ членовъ думы дано было приблизительно тѣмъ, которые теперь выбираютъ гласныхъ въ думы и въ земства. А вѣдь всѣ знаютъ, что думы и земства состоятъ изъ господъ и купцовъ, а не изъ народныхъ представителей. Крестьянамъ тоже было дано участвовать въ выборахъ, но только для виду, такъ что ихъ голоса затонули бы въ числѣ голосовъ богачей. Вѣдь и въ земствахъ сидятъ по нѣсколько человѣкъ крестьянъ, но ихъ такъ мало, что и посадили-то ихъ лишь для отвода глазъ, чтобы можно было сказать, что крестьяне, молъ, участвуютъ въ земствѣ.

Думу 6-го августа народъ не принялъ, и въ отвѣтъ

на этотъ законъ началась великая забастовка. Но вотъ 17-го октября царь обѣщалъ призвать въ думу и другіе классы населенія, обѣщалъ, что впредь безъ думы никакого закона не издастъ. Народъ повѣрилъ въ это обѣщаніе такъ же, какъ и въ свободы, несмотря на предостереженія соціалистовъ. Къ прискорбію, вскорѣ уже народу пришлось убѣдиться, что соціалисты правы. Удовольствовавшись манифестомъ, народъ забастовку прекратилъ. Можно было думать, что царь въ исполненіе своего обѣщанія, не теряя ни одного дня, созоветъ какихъ-нибудь общественныхъ дѣятелей, ну хоть земцевъ, профессоровъ, писателей, представителей различныхъ союзовъ, въ томъ числѣ крестьянъ и рабочихъ, выслушаетъ ихъ и созоветъ обѣщанную думу безъ малѣйшаго замедленія, на новыхъ началахъ. Но увы, день шелъ за днемъ, и только черезъ два мѣсяца—въ декабрѣ — вышелъ законъ, по которому должна быть избрана дума, законъ, выработанный по обыкновенію одними чиновниками.

Тутъ сказался уже обманъ. Участвовать въ выборахъ были призваны далеко не всѣ граждане. Правда, избирателей оказалось гораздо больше, чѣмъ по закону 6-го августа, но все-таки крестьяне и рабочіе были страшно обижены. Крестьяне составляютъ четыре пятыхъ всего населенія, а мѣстъ они получили въ думѣ меньше половины. Рабочихъ же призвали къ выборамъ, какъ бы въ насмѣшку, такъ что имъ нельзя было провести никого изъ своихъ. Въ городахъ требовалось, чтобы имѣть голосъ, занимать квартиру. А вѣдь не всѣ имѣютъ свои квартиры. Бѣдняки опять голоса не получили.

Между тѣмъ повсюду дѣйствовали карательныя экспедиціи, людей вѣшали, ссылали, а съ думой царь не торопился. Лишь въ февралѣ было объявлено, что дума соберется въ концѣ апрѣля, и вмѣстѣ съ тѣмъ вышелъ новый законъ, что наравнѣ съ думой учреждается государственный совѣтъ на-половину изъ назначенныхъ царемъ чиновниковъ, на-половину изъ членовъ, выбранныхъ дворянами, фабрикантами, духовенствомъ при условіи громаднаго имущественнаго ценза.

Всякій законъ долженъ былъ быть принятъ и думой, и совѣтомъ. Ясно было, что совѣтомъ тормозится всякая дѣятельность думы.

Какъ ни какъ, народъ сталъ выбирать депутатовъ. Многихъ лучшихъ людей онъ выбрать не могъ: или они не подходили подъ законъ и не имѣли голоса, или же были подъ судомъ. Ибо въ декабрѣ еще былъ объявленъ законъ, что не можетъ попасть въ думу всякій, кто состоитъ подъ судомъ или слѣдствіемъ. А извѣстно, что лучшіе люди у насъ всѣ подъ судомъ. Многихъ же, кого правительство не хотѣло допустить въ думу, нарочно передъ тѣмъ отдали подъ судъ. Вѣдь придраться къ чему-либо всегда можно, хотя бы потомъ пришлось человѣка оправдать. Къ тому же дѣйствовали военные законы, избирателямъ не давали собираться, сговориться, такъ что во многихъ мѣстахъ пришлось выбирать въ темную, даже по жребію, такъ какъ выборщики не знали другъ друга. Почти всѣ думали, что правительству при этихъ условіяхъ удастся провести въ думу черносотенцевъ. Но правительство, какъ оказалось, ошиблось.

Народъ такъ отрезвѣлъ къ тому времени, такъ возненавидѣлъ старые порядки, что выбранные депутаты все-таки оказались противъ правительства. Правда, далеко не всѣ стояли за соціалистовъ, но почти всѣ оказались приверженцами народныхъ правъ и народной свободы. Всѣ депутаты, за малыми исключеніями, обѣщались стоять за полную амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ, за отмѣну смертной казни, за уничтоженіе повсюду военнаго положенія и положенія объ усиленной и чрезвычайной охранахъ, за уничтоженіе государственнаго совѣта и, наконецъ, за переходъ казенной, царской и части помѣщичьей земли въ руки тѣхъ, кто ее обрабатываетъ личнымъ, а не наемнымъ трудомъ.

Видя, что съ такой думой ему трудно будетъ сговориться, царь рѣшилъ заранѣе себя отъ нея обезопасить. Для этого за три дня до созыва думы онъ издалъ основные законы. Въ самомъ изданіи этихъ законовъ явно было нарушеніе даннаго 17-го октября

манифеста. Вѣдь въ манифестѣ царь обѣщался никакихъ законовъ безъ думы не издавать. А тутъ онъ не могъ подождать трехъ дней, чтобы дать самой думѣ обсудить эти законы. Очевидно, онъ зналъ, что такихъ законовъ дума одобрить не можетъ. Дѣйствительно, основными законы эти названы потому, что они не подлежатъ болѣе никакому измѣненію ни думой, ни государственнымъ совѣтомъ. Составлены же они были такъ, что связана оказалась дума по рукамъ и ногамъ. Царь назначаетъ министровъ, а дума не въ правѣ ихъ смѣнить. Царь, гдѣ хочетъ и когда хочетъ, вводитъ, не спрашиваясь думы, исключительные законы, т. е. усиленную и чрезвычайную охрану и военное положеніе. Царь созываетъ и распускаетъ думу, когда ему заблагоразсудится. Теперь спрашивается: къ чему думѣ вырабатывать такіе или иные законы, когда министры могутъ ихъ не исполнять, и когда царь однимъ взмахомъ пера можетъ ихъ отмѣнить, замѣнивъ военными законами? Ясно было, что царь и не думаетъ вводить новые порядки, что онъ продолжаетъ себя считать самодержавнымъ, а думу собираетъ только для отвода глазъ. Нельзя даже утверждать, что собираетъ онъ думу, чтобы сдержать данное народу въ манифестѣ слово. Разъ онъ нарушилъ свое слово относительно дарованія народу свободъ, разъ онъ нарушилъ его, введя основные законы, неужели онъ остановился бы передъ тѣмъ, чтобы и вовсе думы не собирать, когда онъ убѣдится, что дума будетъ непокорная? Однако, онъ ее собралъ. Но и на это имѣется весьма понятный отвѣтъ.

Царь собралъ думу не для того, чтобы сдержать слово, не для успокоенія русскаго народа, а для отвода глазъ другимъ государствамъ. Дѣло въ томъ, что при самодержавномъ правленіи русскій народъ бѣднѣлъ и бѣднѣлъ. Правда, казна не ощущала недостатка въ деньгахъ — вѣдь съ русскаго народа царь могъ драть сколько угодно налоговъ и податей, но сколько съ народа ни бери, какъ его ни грабь, всему есть конецъ. Разорился и русскій народъ. А тутъ японская война, которая стоила два милліарда, затѣмъ

громадные расходы казны на стражниковъ, на шпіоновъ, на передвиженіе войскъ для подавленія крамолы, невѣроятные грабежи всякихъ властей отъ послѣдняго полицейскаго и до царя—все это такъ истощило Россію, что и казна опустѣла. Необходимо было занять громадныя суммы за границей. Еще мѣсяцъ, другой—и нечѣмъ было бы заплатить проценты по прежнимъ долгамъ, не было бы чѣмъ платить жалованіе чиновникамъ и стражникамъ. Но самодержавію за границей не вѣрятъ уже больше. Нельзя давать взаймы такому правительству, которое довело свою страну до нищеты и до полнаго безсилія. А вѣдь послѣ японской войны Россію нигдѣ въ грошъ не ставили.

Волей-неволей пришлось царю созвать думу. Думой онъ обманулъ не только свой народъ, но и всю Европу, которая повѣрила тому, что Россія обновляется. Эта комедія, продѣланная царемъ съ думой, дала ему возможность занять восемьсотъ съ лишнимъ милліоновъ рублей, которые тоже тяжелымъ бременемъ легли на шею народу. Эти деньги нужны были царю, опять-таки, чтобы усилить вооруженіе противъ народа, чтобы увеличить количество городской и сельской полиціи, а для него это былъ вопросъ громадной важности. Богатая казна нужна ворамъ, чтобы было изъ чего красть!

Такъ или иначе дума собралась. Съѣхались со всѣхъ концовъ Россіи выбранные люди. Изъ 500 депутатовъ двѣсти были крестьяне. Въ день открытія думы царь пожелалъ принять депутатовъ въ Зимнемъ дворцѣ. Онъ хотѣлъ поразить ихъ невиданною ими доселѣ роскошью. Онъ принялъ ихъ на тронѣ, окруженный сотнями придворныхъ дамъ и кавалеровъ, высшихъ чиновниковъ, генераловъ, министровъ. Красные, бѣлые, черные, голубые мундиры, залитые золотомъ и серебромъ, чудные дамскіе наряды, невѣроятная роскошь дворца перенесли депутатовъ-крестьянъ въ новый для нихъ сказочный міръ. Царь хотѣлъ ослѣпить ихъ этою роскошью, думалъ, что они падутъ къ ногамъ своего земного бога. Не тутъ-то было! Крестьяне увидали воочію, куда текутъ ихъ бѣдные гроши. Они сравнили

брилліанты царицы, стоющіе милліоны, съ лохмотьями своихъ голодающихъ женъ, блескъ дворца и копоть курныхъ крестьянскихъ избъ... У нихъ, правда, раскрылись глаза, но не на величіе ихъ властелина, а на гнусность его преступленія по отношенію къ голодному народу.

Царь говорилъ имъ рѣчь, назвалъ ихъ лучшими людьми Россіи, призывалъ водворить порядокъ въ Россіи.

Въ отвѣтъ депутаты выставили требованія народныя. Они объяснили царю, что успокоеніе народъ получитъ, только если онъ добьется свободы и земли. А главное, они требовали немедленной амнистіи политическимъ заключеннымъ. Вся Россія съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за составленіемъ думой отвѣтнаго адреса и думала, что царь поспѣшитъ исполнить волю народную. Не тутъ-то было! Царь даже не удостоилъ принять депутаціи отъ думы, а велѣлъ подать себѣ отвѣтный адресъ черезъ министровъ.

Взрывъ негодованія былъ отвѣтомъ на оскорбленіе думы царемъ. Уже тогда всѣ поняли, что дума ничего не добьется, что царь насмѣялся надъ народомъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней первый министръ Горемыкинъ объявилъ думѣ, что требованія ея исполнены не будутъ и что дума вмѣшивается не въ свое дѣло. Онъ ссылался на основные законы. Другіе министры въ длинныхъ и нахальныхъ рѣчахъ объявили, что земли народу не будетъ дано, что Россія держится помѣщиками, и что право собственности на землю священно.

Два мѣсяца дума требовала отставки министровъ, вырабатывала законы о землѣ и свободѣ, требовала объясненій по всякимъ беззаконіямъ и насиліямъ чиновниковъ. А министры все дѣлали постарому, вѣшали, разстрѣливали, ссылали и устроили погромъ въ Бѣлостокѣ, гдѣ вновь полилась кровь сотенъ невинныхъ людей—женщинъ, стариковъ и дѣтей. Царь продолжалъ принимать адресы и депутаціи черносотенныхъ организацій, продолжалъ обнадеживать помѣщиковъ. Наконецъ, 8-го іюля, черезъ два мѣсяца десять

дней думской работы, царь указомъ разогналъ думу, объявивъ къ 20-му февраля 1907 года созывъ новой думы. Разогналъ онъ ее воровскимъ образомъ, не посмѣвъ даже велѣть прочесть въ открытомъ засѣданіи думы указъ о роспускѣ. Тутъ же появился его манифестъ, въ которомъ говорилось, что дума занималась не своимъ дѣломъ, когда стала вмѣшиваться въ дѣйствія министровъ и чиновниковъ.

Съ тѣхъ поръ царь сбросилъ маску. Онъ пересталъ притворяться и круто повернулъ назадъ. О свободахъ и землѣ не было уже и рѣчи. А въ своей борьбѣ съ народомъ онъ сталъ еще гораздо болѣе жестокъ, чѣмъ прежде. Вновь начались времена не то татарскаго владычества, не то Ивана Грознаго. Царь ввелъ военно-полевые суды, гдѣ народныхъ героевъ офицеры стали разстрѣливать въ 24 часа, какъ на войнѣ. Стали вѣшать женщинъ. Чтобы нагнать ужасъ на народъ, стали ни съ того, ни съ сего изъ пушекъ разстрѣливать цѣлые города. Такъ, разстрѣляли городъ Сѣдлецъ. О крестьянахъ и говорить нечего. Всякій становой, всякій земскій можетъ стражниками разстрѣливать ихъ за малѣйшее ослушаніе. Царь лично благодаритъ полки, которые больше другихъ проливаютъ народную кровь. Войскамъ, чиновникамъ, дворянамъ дана полная власть надъ народомъ. Парады смѣняютъ пиры. Черная сотня открыто распоряжается на Руси. А царь, утомившись пирами, нѣтъ-нѣтъ да и съѣздитъ въ Финляндію на недѣльку—другую поохотиться на зайцевъ.

XIV. Будущее русскаго народа.

Всѣ теперь въ одинъ голосъ говорятъ: «такъ жить нельзя. Долженъ быть конецъ смутѣ. Нельзя всему народу вѣчно дрожать за свою жизнь, нельзя вѣчно голодать и видѣть, какъ издѣвается надъ нимъ кучка насильниковъ. Рота солдатъ и сотня казаковъ съ нѣсколькими десятками стражниковъ въ рукахъ помѣщиковъ и становыхъ не можетъ вѣчно держать въ рукахъ все крестьянство, какъ не можетъ вся судьба

рабочихъ быть въ рукахъ фабрикантовъ и шпіоновъ». Такъ говоритъ трудящійся народъ и иначе онъ говорить и не можетъ.

Но не одинъ трудящійся народъ требуетъ перемѣны. Вѣдь не сладка жизнь и богачамъ. И имъ вѣчно дрожать за свое имущество и даже за жизнь не очень-то кажется сладкимъ. Взять хоть помѣщиковъ. Какъ ихъ потомъ царь ни поддерживай изъ казны, а все же видѣть сплошь да рядомъ разгромы своихъ насиженныхъ усадебъ непріятно. Не веселятъ и фабрикантовъ вѣчныя стачки. Поэтому и помѣщики, и фабриканты, и лавочники, у которыхъ плохо идетъ торговля, да и всѣ остальные богачи—всѣ они тоже поютъ одну пѣсню: такъ жить нельзя.

Весь вопросъ въ томъ, какъ же нужно жить, чтобы жить было возможно. Тутъ три теченія. Царь и съ нимъ небольшой кругъ помѣщиковъ, высшихъ чиновниковъ хотятъ еще разъ опереться на безсознательное войско и на черную сотню, частью подкупленную, частью тоже несознательную, и въ крови народной безпощадно залить революцію и возстановить прежнее царское самодержавіе. Конечно, такой планъ является не только величайшимъ преступленіемъ, какое было въ исторіи, но и величайшимъ безуміемъ. Царское самодержавіе на что казалось сильнымъ, но оно-то и привело Россію къ разоренію и смутѣ. Оно и показало свою крайнюю слабость и въ японской войнѣ и во внутреннихъ дѣлахъ. Прежде-то еще можно было морочить людей, но теперь народъ все это понялъ прекрасно и, конечно, не дастъ себя болѣе морочить царю, который его обманывалъ разными обѣщаніями, который открыто сталъ на сторону помѣщиковъ и капиталистовъ и который теперь купается въ народной крови. Самодержавіе погибло навѣки. Опираясь на штыки, оно еще проборется съ народомъ нѣсколько времени—годъ, ну два, но придетъ часъ расплаты, и чѣмъ болѣе царь къ тому времени успѣетъ выпить народной крови, тѣмъ ужаснѣе будетъ расплата, когда придетъ часъ возмездія.

Политическія партіи, которыя продолжаютъ стоять

за самодержавіе и желаютъ возврата къ прежнему, называются консервативными или правыми. Консерваторы, конечно—помѣщики, попы, богачи, крупные чиновники, полиція, словомъ, всѣ народныя піявки и казнокрады. Теперь въ просторѣчіи консерваторовъ принято называть черной сотней. Будущности, какъ мы видѣли, у нихъ нѣтъ. Наоборотъ, дни ихъ сочтены. Это, вѣроятно, они и сами понимаютъ и разсчитываютъ больше на то, чтобы хоть немного пока еще пограбить казну и народъ, а потомъ хоть трава не расти... Во главѣ консерваторовъ—батюшка-царь.

Но не всѣ богачи такъ думаютъ. Далеко нѣтъ. Наоборотъ, многіе изъ нихъ, болѣе дальновидные не довольствуются тѣмъ, чтобы хоть немножко еще пограбить. Нѣтъ, они стремятся къ тому, чтобы устроить такое положеніе, которое на долгіе годы упрочило бы въ Россіи покой и на долгіе годы обезпечивало бы имъ возможность пользоваться награбленнымъ. Они понимаютъ, что самодержавіе такого покоя не можетъ дать ни въ какомъ случаѣ, понимаютъ и то, что пулеметами народа не сдержишь долго. И вотъ эти люди стали между правительствомъ и народомъ и хотятъ придумать такой выходъ, чтобы и тѣ и другіе были довольны. Когда мы называемъ ихъ богачами, то это не значитъ, что у каждаго изъ нихъ капиталъ. Нѣтъ, въ данномъ случаѣ мы подъ богачами разумѣемъ тотъ классъ населенія, который своими руками не работаетъ, а пользуется въ большей, чѣмъ заслуживаетъ, мѣрѣ трудомъ народа. Этотъ буржуазный классъ состоитъ не только изъ богачей, но и изъ людей, которыхъ богатство заключается въ знаніи, напримѣръ, врачей, адвокатовъ, мелкихъ чиновниковъ, учителей, приказчиковъ и т. п. Все это далеко не богачи, но живется имъ и теперь сравнительно не дурно. Помирились бы они и съ самодержавіемъ и не потому они борются съ нимъ, что имъ при самодержавіи плохо, а потому, что самодержавіе не даетъ имъ нужнаго спокойствія, которое они цѣнятъ выше всего. Если бы они думали, что, разстрѣлявъ нѣсколько милліоновъ людей, можно на многіе годы успокоить остальные

милліоны, они бы, ни на минуту не усомнившись, стояли бы за этотъ разстрѣлъ и за возвратъ къ самодержавію.

Но они умнѣе консерваторовъ. Разъ они поняли, что народа висѣлицами и пулеметами не успокоишь, они рѣшили, что надо итти на уступки не ради пользы народной, а ради своего личнаго спокойствія и безопасности. Поняли они еще и то, что чѣмъ больше царь будетъ сопротивляться волѣ народной, тѣмъ большія народъ въ концѣ концовъ предъявитъ требованія. А такъ какъ буржуазные классы хотятъ, правда, пойти на уступки народу, но на уступки по возможности меньшія, то они и злятся на царя, что онъ натягиваетъ струны сверхъ мѣры и приведетъ дѣло до такого положенія, что добровольное соглашеніе окажется уже невозможнымъ.

Партіи буржуазныя, которыя не хотятъ самодержавія, но и свои старыя права стремятся сохранить цѣною взаимныхъ уступокъ между царемъ и народомъ, называются *либеральными* или *центромъ*, т. е. срединой между правыми и лѣвыми. Дальше мы познакомимся подробнѣе съ требованіями либераловъ.

Третье политическое теченіе—это *соціалистическое*. Соціализмъ проповѣдуютъ *лѣвыя* партіи. Интеллигенція и сознательные люди изъ трудящагося крестьянства и рабочихъ хорошо понимаютъ, что у нихъ на шеѣ сидитъ два врага: богачи и царь со своею сворой. Если свергнуть царя и оставить, какъ есть, богачей, то будетъ какъ за границей, гдѣ трудящемуся люду тоже не богъ вѣсть какъ сладко живется. Съ другой стороны, они прекрасно понимаютъ, что разсчитывать на царя, чтобы свергнуть иго богачей, могутъ только глупцы и слѣпые. Поэтому соціалисты и говорятъ, что никакихъ сдѣлокъ быть не можетъ не только съ царемъ, но и съ богачами. Они выставляютъ не одни требованія политической свободы, но и другія требованія, касающіяся ихъ денежной зависимости отъ буржуазныхъ классовъ. Главное же требованіе трудящагося крестьянства заключается въ томъ, чтобы земля была признана собственностью народа и отводилась бы въ поль-

зованіе тѣхъ, кто желаетъ ее обрабатывать собственными руками.

Политическую свободу либералы были бы еще готовы дать, но освободить трудящійся народъ отъ денежной кабалы, этого они, конечно, допустить не могутъ и въ мысляхъ. Вѣдь все благополучіе буржуазныхъ классовъ держится на томъ, что они совсѣмъ не работаютъ, а если и работаютъ, то сравнительно съ трудящимся людомъ весьма мало, при чемъ ихъ трудъ оплачивается несоизмѣримо выше ручного труда рабочаго и крестьянина. За это благополучіе, за возможность такъ или иначе обирать народъ, а самимъ богатѣть и веселиться, буржуазные классы готовы отдать все. Богатство для нихъ, конечно, дороже жизни.

Поэтому они боятся соціалистовъ пуще огня. Царя они презираютъ за глупость, за слабость, за упрямство, но если бы не было опасности со стороны народа, то съ нимъ они бы всегда сумѣли сговориться. Другое дѣло соціалисты. Либералы понимаютъ, что будущее принадлежитъ соціалистамъ, и ненавидятъ ихъ отъ глубины души. И силу, и обманъ, и хитрость—они все готовы въ ходъ пустить, чтобы отдалить минуту народной побѣды. Поэтому теперь они борются на два фронта: направо съ самодержавіемъ, налѣво съ соціализмомъ.

Кто побѣдитъ—вотъ что важно. Что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ побѣдитъ соціализмъ, что рабочій народъ перестанетъ вѣчно гнуть шею передъ богачами—въ этомъ такъ же мало сомнѣнія, какъ въ томъ, что самодержавіе погибло навѣки. Въ этомъ увѣрены и либеральные буржуа. Но вопросъ не объ отдаленномъ будущемъ, а о послѣдующихъ десяткахъ лѣтъ. Не о далекомъ потомствѣ хлопочутъ буржуа, а о дѣтяхъ, ну, и о внукахъ еще, что ли. Они говорятъ, что такъ было и за границей, что прежде тамъ народъ добился лишь политической свободы, а борьба изъ-за капиталистическаго строя тамъ и теперь не закончена. Такъ должно, по мнѣнію либераловъ, быть и у насъ.

На это наши соціалисты имъ возражаютъ, что за границей было такъ, а у насъ можетъ быть и иначе,

что у нашего народа опытъ сосѣдей, что нашъ народъ дольше страдалъ и выстрадалъ себѣ не только политическую свободу, но и освобожденіе отъ гнета богачей.

Не нужно быть пророкомъ, чтобы понять, что побѣда останется за народомъ. Богачи такъ пренебрегали всегда интересами трудящихся, довели ихъ до такого разоренія, что нигдѣ за границей такого разоренія нѣтъ и не было. Требованіе земли, фабрикъ, капиталовъ такъ прочно засѣли въ народное сознаніе, что одной волей народа не успокоить. Если бы даже буржуазнымъ классамъ и удалось на время успокоить изстрадавшійся народъ, заставивъ его кое-какими подачками забыть про требованіе земли, фабрикъ и заводовъ, то это было бы не надолго; голодный желудокъ скоро опять напомнилъ бы о себѣ, и народъ, воспользовавшись завоеванной свободой, еще съ большей отвагой ринулся бы въ бой съ капитализмомъ.

XV. Ограниченная монархія.

За границей самодержавныхъ государствъ почти уже не осталось. Изъ большихъ государствъ одна Турція осталась, гдѣ султанъ продѣлалъ съ конституціей такой же опытъ, какой продѣлалъ и нашъ царь. Онъ созвалъ парламентъ, увидалъ, что онъ слишкомъ либераленъ, да и разогналъ его. Второй собралъ, второй опять не понравился. Онъ и вовсе распустилъ его. Въ Китаѣ и то императрица объявила, что вводитъ конституцію черезъ нѣсколько лѣтъ. Будетъ, очевидно, настоящая конституція и у насъ, разъ народъ извѣрился въ самодержавіи царя. Весь вопросъ, какая будетъ конституція.

Конституціей называются тѣ основные законы, которыхъ глава государства не можетъ измѣнить безъ согласія народнаго и которые опредѣляютъ съ одной стороны тѣ свободы, тѣ народныя права, которыхъ никто нарушить не можетъ, съ другой—права и способъ избранія народныхъ представителей.

Конституціи бываютъ весьма различны. По однѣмъ

права царя очень велики, будучи не очень ужъ далеки отъ самодержавія, а права парламента, т. е. собранія народныхъ представителей, очень малы. Примѣръ такой конституціи мы имѣемъ въ Германіи, гдѣ произволъ полиціи и чиновниковъ очень-таки даетъ себя чувствовать и гдѣ голосъ гражданъ не особенно вліяетъ на ходъ дѣлъ и на рѣшенія императора. Въ Англіи, наоборотъ, король есть, но права у него сравнительно небольшія. Все законодательство въ рукахъ парламента, а министры вполнѣ зависятъ отъ парламента. Такимъ образомъ, всякій англійскій гражданинъ чувствуетъ себя совсѣмъ свободнымъ отъ произвола не только любого чиновника, но и самого короля. Наконецъ, есть государства, какъ Франція, гдѣ провозглашена республика, т. е. гдѣ царей вовсе нѣтъ, а гдѣ вмѣсто нихъ на срокъ избирается такъ-называемый *президентъ республики* изъ обыкновенныхъ гражданъ.

Либералы говорятъ, что вопросъ о томъ, кто глава государства, не важенъ. Они ссылаются на Англію и тычутъ пальцемъ въ ея короля. Смотрите, говорятъ, гдѣ больше свободы, чѣмъ въ Англіи? А король тамъ есть. А есть республики въ Южной Америкѣ, гдѣ президентъ, хотя и считается выбраннымъ на срокъ, но не хуже самодержавнаго царя всѣмъ вертитъ по своему. Значитъ, не въ царѣ тутъ дѣло. Дѣло, говорятъ они, въ конституціи, какія права по конституціи имѣютъ король и министры съ одной стороны, парламентъ и граждане съ другой. Вотъ это важно и имѣетъ существенное значеніе.

Мы видѣли, что либералы стремятся ввести успокоеніе тѣмъ, чтобы примирить по возможности царя съ народомъ. И ту и другую сторону они стремятся склонить на уступки. Царю говорятъ, что все равно ему придется рано ли, поздно ли отказаться отъ самодержавія. Такъ лучше раньше, пока народъ не закусилъ окончательно удила. А народу они внушаютъ, что зло не въ царѣ, не въ монархіи, а въ самодержавіи царя, въ неограниченности его правъ. Поставьте, говорятъ они народу, рядомъ съ царемъ палату народныхъ представителей, ну хоть бы какъ нашу думу,

чтобы царь не могъ безъ нея никакого закона издавать, и все будетъ хорошо. Главная сила, власть вся будетъ сама собой сосредоточена въ рукахъ думы, а царь будетъ, какъ въ Англіи, лишь исполнителемъ воли народной. Такъ говорятъ тѣ либералы, которые искренне увѣрены, что народъ ни за что не успокоится, не добившись настоящей свободы. Другіе же боятся, что народъ получитъ слишкомъ много правъ и хотѣли бы дать конституцію только для виду, чтобы глаза отвести. Они, правда, говорятъ и про свободу и про думу, но эту думу хотѣли бы имѣть съ небольшими правами, чтобы было какъ въ Германіи: царь слушался бы рѣшенія думы, когда того желаетъ, а когда не желаетъ, могъ бы сдѣлать по своему, а то и думу распустить. Сводится это къ тому, отъ кого зависятъ министры, а съ министрами и всѣ чиновники, отъ царя или отъ думы. Половина либераловъ, а именно бывшіе въ думѣ кадеты или иначе партія народной свободы—тѣ хотѣли, чтобы министры зависѣли всецѣло отъ думы. Недовольна дума министромъ однимъ или всѣмъ министерствомъ—уходи въ отставку. Другая половина либераловъ, та наоборотъ одобряла царя за то, что онъ не уступаетъ думѣ, и чуть не радовалась, что царь думу разогналъ. Выходитъ, что и при ограниченной монархіи, при думѣ, могутъ быть права царя и думы различны. Первое различіе и заключается въ томъ, какое министерство: ответственное передъ думой или передъ думой не ответственное, а зависящее исключительно отъ царя. Вмѣстѣ съ кадетами стояли за отвѣтственное министерство и соціалисты и такъ называемые трудовики или трудовая группа, которая въ сущности тоже проповѣдывала ученіе соціалистовъ, хотя и не такъ рѣзко и положительно, какъ настоящіе соціалисты.

Вмѣстѣ съ правыми либералами, которые называютъ себя союзомъ 17-го октября, за полную зависимость министерства отъ царя стояли, конечно, всѣ черносотенцы, которые собственно хотѣли бы видѣть полное возстановленіе самодержавія и лишь скрѣпя сердце мирятся съ думой какой ни на есть.

Другое различіе среди либераловъ заключается въ томъ, какую они хотятъ имѣть думу. Кто выбиралъ у насъ депутатовъ? Преимущественно люди богатые, знатные, ученые. Мы видѣли, что голосъ рабочимъ былъ данъ скорѣе въ видѣ насмѣшки, что крестьяне далеко не всѣ имѣли голосъ. Значитъ, выборы были не всеобщіе. Затѣмъ на 100 милліоновъ крестьянъ было отъ нихъ всего 200 депутатовъ, а 300 депутатовъ было отъ 2—3 милліоновъ богатыхъ буржуа. Значитъ, выборы были не равные. Крестьяне выбирали десятидворныхъ. Десятидворные—волостныхъ избирателей. Эти—уѣздныхъ выборщиковъ. И. наконецъ, уже выборщики—депутатовъ. Такъ же выбирали и горожане. Значитъ, выборы были трехстепенные и четырехстепенные, а не прямые, когда всякій гражданинъ прямо голосуетъ за того или другого кандидата въ депутаты.

Такіе выборы удовлетворяли союзъ 17-го октября, т. е. тѣхъ либераловъ, которые стараются сдѣлать какъ можно меньше уступокъ народу. Лѣвые же кадеты, т. е. тѣ либералы, которые искренно желаютъ для народа полной свободы, тѣ стоятъ за измѣненіе выборной системы въ томъ смыслѣ, чтобы *выборы были всеобщіе, равные и прямые при тайномъ голосованіи.* Кто за отвѣтственность министровъ передъ думой, тотъ и за всеобщіе выборы, чтобы у послѣдняго неграмотнаго бѣдняка были равныя права по выбору въ депутаты съ богатымъ и ученымъ дворяниномъ. За всеобщіе, равные, прямые и тайные выборы стоятъ, конечно, и трудовики и соціалисты, тогда какъ сторонники самодержавія хотѣли бы, чтобы въ думу, разъ уже ей быть, выбирали и попадали лишь богачи да дворяне, а чтобы народъ и думать не смѣлъ о какихъ-то правахъ. Таковъ второй пунктъ разногласій между различными либералами. Но есть и третій: это вопросъ о существованіи государственнаго совѣта. Лѣвые либералы вмѣстѣ съ соціалистами говорятъ, что довольно одной думы. Къ чему еще государственный совѣтъ, да еще такой уродливый, какъ у насъ, наполовину изъ чиновниковъ, назначенныхъ царемъ, напо-

ловину изъ богачей? Не нужно тормазовъ для того, чтобы вполнѣ проявлялась воля народная черезъ думу.

Понятно, что какъ разъ обратное говоритъ союзъ 17-го октября. Онъ боится истинной народной свободы. Онъ мирится съ нею, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ. Онъ радуется всякому тормазу, мѣшающему осуществиться народной волѣ, радуется и государственному совѣту. Таковъ третій пунктъ разногласій между либералами. Правые стоятъ за систему двухъ палатъ, лѣвые за однопалатную систему.

Есть много другихъ еще различій между требованіями либераловъ, ближе стоящихъ къ народу, и тѣми изъ нихъ, которые гнутъ вправо, какъ можно ближе къ самодержавію. Вопросъ о правѣ заключать союзы съ другими государствами, о правѣ объявлять войну и заключать миръ, о правѣ дѣлать займы и многіе другіе. Но мы, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, вопросъ о необходимости сохраненія или наоборотъ уничтоженія царской власти вообще, на этихъ подробностяхъ останавливаться не будемъ.

Всѣ эти разногласія между ними зависятъ не отъ любви къ народу, не отъ желанія ему блага. Нѣтъ, въ политикѣ люди думаютъ только о себѣ и стараются себя и людей убѣдить въ томъ, что, когда имъ хорошо, хорошо чуть ли не всему человѣчеству. Спросите богатыхъ помѣщиковъ, богатыхъ фабрикантовъ, банкировъ, купцовъ, всѣ они стоятъ за свои права, всѣ они хлопочутъ, чтобы имъ легче было наживать новые милліоны, и всѣ при этомъ себя чуть не искренне готовы считать благодѣтелями человѣчества, когда изъ своихъ милліоновъ жалкія тысячи двѣ-три удѣляютъ на больницу, школу или общежитіе для рабочихъ.

И либеральныя партіи, которыя вербуются изъ буржуазныхъ классовъ людей богатыхъ и ученыхъ, скорѣе обогащающихся за счетъ трудящихся массъ, нежели работающихъ, хотя бы умственнымъ трудомъ, на ихъ пользу—и либеральныя партіи, повторяемъ, отстаиваютъ отвѣтственное или неотвѣтственное министерство, всеобщіе, равные и прямые выборы или, наоборотъ, такіе выборы, какъ теперь, однопалатную или двухпа-

латную систему народнаго представительства не потому, что готовы распинаться за счастье народное, не потому, что стоятъ горой за народную волю. Нѣтъ, вовсе нѣтъ! Они, какъ и другіе, хлопочутъ о своихъ классовыхъ интересахъ буржуазнаго населенія. Одни хотятъ сдѣлать маленькія уступки народу, другіе — большія не ради народнаго блага, а ради собственнаго покоя. Лѣвые либералы потому хотятъ дать народу много свободы, и свободы дѣйствительной, что боятся его, боятся, что малымъ онъ не удовлетворится, и что имъ же будетъ хуже. Наоборотъ, тѣ правые либералы союза 17-го октября хотятъ дать народу какъ можно меньше свободы, думая, что онъ удовлетворится и небольшимъ. И волки, такимъ образомъ, были бы сыты и овцы цѣлы.

Всѣ тѣ законы, которые ведутъ къ тому, чтобы власть была дѣйствительно въ рукахъ народа, называются *демократическими* (отъ слова *демократія*, т. е. народовластіе). Такъ демократичны законы: объ одной палатѣ, о всеобщемъ голосованіи, объ отвѣтственномъ министерствѣ и т. д. Демократическая конституція такая, которая въ дѣйствительности обезпечиваетъ народу власть. Демократическою можно назвать и партію народной свободы, которая искренне, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, хочетъ народной власти, народной свободы. Но истинно демократическими, въ чистомъ смыслѣ этого слова, должны быть названы только соціалистическія партіи.

Одно нужно хорошо помнить: трудящійся народъ для либераловъ—вотъ настоящій врагъ. Они бы и съ самодержавіемъ помирились, даже очень, да въ томъ-то и горе, что самодержавіе-то оказалось подгнившимъ. Поэтому-то они и стоятъ за ограниченную монархію, а не потому, что, дѣйствительно, хотятъ, чтобы государство управлялось согласно волѣ народной.

Но въ одномъ всѣ либералы сходятся: это въ томъ, чтобы царская власть была ограничена — что же дѣлать!—но отнюдь чтобы она не была уничтожена. Да! Либералы народъ умный, ученый! И когда имъ какъ дважды два четыре доказываютъ, что царь всегда былъ главнымъ врагомъ народа, то они соглашаются, готовы

царя обругать, но тутъ же найдутъ причину, почему все-таки царя надо оставить. Либо свалятъ съ больной головы на здоровую, сказавъ, что крестьяне такъ вѣрятъ еще въ царя, что нечего и думать о его упраздненіи. Либо сошлются на народное невѣжество и скажутъ, что, конечно, царь кромѣ жестокости никакихъ чувствъ къ народу не проявлялъ и проявлять не можетъ, но что и народъ безъ твердой царской власти въ настоящемъ положеніи обойтись не можетъ.

Такъ или иначе, но либералы стоятъ всѣ за ограниченную монархію, а не за республику.

XVI. Республика.

Другое дѣло—соціалисты или группа крайнихъ лѣвыхъ партій. Они не только борются съ самодержавіемъ за народную волю, но и съ буржуазно-либеральными партіями изъ-за освобожденія народнаго отъ экономическаго гнета богачей. Имъ мало одной воли, они хотятъ, чтобы въ руки народа перешли земля и фабрики, и вообще всѣ машины и орудія производства.

Мы не будемъ касаться въ настоящее время не только самого соціализма, т. е. освобожденія трудящагося люда отъ гнета капитала, но и подробнаго изложенія того, что соціалисты понимаютъ подъ понятіемъ свободы и воли. Мы касаемся только ихъ требованія полнаго упраздненія царской власти.

Намъ мало—говорятъ соціалисты—уничтоженія самодержавія и замѣны неограниченной царской власти монархіей ограниченной. Намъ мало, что рядомъ съ царемъ поднимется другая власть въ видѣ думы, даже если на бумагѣ, да и пожалуй на дѣлѣ, власть этой думы будетъ значительна, а царская власть сильно умалена. Намъ этого мало—мы хотимъ разъ навсегда покончить съ царемъ, какимъ бы онъ ни былъ, самодержавнымъ или ограниченнымъ, и учредить у себя республику.

Республика отличается отъ ограниченной монархіи только тѣмъ, что вмѣсто царя, который всходитъ на

престолъ по праву престолонаслѣдія, во главѣ ея стоитъ выборный президентъ. Какъ это такъ? Какъ можно безъ царя?—спрашиваютъ и теперь многіе, привыкшіе съ малолѣтства думать, что царь получилъ свою власть отъ самого Бога. Вѣдь безъ царя всѣ будутъ равны, никто никого бояться не будетъ и пойдетъ такой кавардакъ, что и представить себѣ нельзя, житья не будетъ. Такое понятіе остается кое у кого въ народѣ только вслѣдствіе его темноты. Такъ говоритъ черная сотня или по невѣжеству, или потому, что подкуплена, и ей выгодно поддерживать царя. Для этого они и пугаютъ народъ ужасами, которые будто ожидаютъ Россію, если царя не будетъ.

Вѣдь не однимъ же впрямь человѣкомъ держится Россія. А чтобы убѣдиться, что безъ царя люди живутъ совершенно такъ же, какъ съ царемъ, стоитъ посмотрѣть на другія страны. Вотъ во Франціи были короли тоже самодержавные, тоже грабили казну и народъ, тоже считались земными богами. Пришло время, раскрылись на этихъ земныхъ боговъ глаза у французскаго народа, и этого самаго короля и королеву, жену его, казнили на плахѣ за совершенныя ими злодѣянія. Теперь во Франціи республика, короля нѣтъ, и народъ живетъ несравненно свободнѣе, лучше, богаче, нежели жилъ при короляхъ. Управляютъ Франціей не Богомъ данные цари, а люди, выбранные народомъ. Во главѣ государства—президентъ республики, тоже выбранный изъ простыхъ смертныхъ. А между тѣмъ куда больше порядка, чѣмъ у насъ, куда больше справедливости! То же было бы и у насъ, кабы власть всецѣло перешла въ руки народа.

Русскій народъ кое въ чемъ уже успѣлъ себя показать. Въ памятные дни «свободъ»—въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1905 года—въ разныхъ мѣстахъ Россіи власть въ дѣйствительности уже была въ рукахъ народа. Правительственные чиновники были смѣщены, а управляли всѣмъ народные комитеты. Въ городахъ управляли совѣты рабочихъ депутатовъ или забастовочные комитеты. Что же при этомъ получилось? А получился образцовый порядокъ, котораго никакъ не

могли добиться правительственные чиновники со своею полиціей. Многіе, жившіе въ эти памятные дни въ этихъ «республикахъ» въ одинъ голосъ удостовѣряютъ бывшій въ то время порядокъ: образовали свою выборную полицію изъ горожанъ (такая полиція называется милиціей). Пьяныхъ подбирали и не колотили, а давали вытрезвляться; воровъ ловили, и ко всеобщему удовольствію число кражъ и неразысканныхъ вещей уменьшилось; исчезли хулиганы, обыкновенно состоящіе въ дружбѣ съ городовыми и околодочными. И все это безъ царя, безъ министровъ, безъ полицейскихъ. Да именно потому и было хорошо, что народъ управлялся самъ собою... То же было бы и съ Россіей, не будь у нея царя...

И республики весьма различны по своимъ конституціямъ. Есть республики болѣе демократичныя и республики менѣе демократичныя. Между ними существуютъ всѣ тѣ различія, какія имѣются въ ограниченныхъ монархіяхъ. Громадно различіе и въ правахъ самого главы республики — президента. Въ великой американской республикѣ, Соединенныхъ Штатахъ, президентъ выбирается на четыре года всѣмъ народомъ и болѣе двухъ сроковъ, т. е. восьми лѣтъ ходить въ президентахъ не можетъ. Но разъ онъ выбранъ, у него власть очень большая, въ родѣ какъ у императора германскаго. Даже министерство оказывается неотвѣтственно передъ парламентомъ и всецѣло зависитъ отъ президента. Во Франціи же президентъ избирается на семь лѣтъ, а власти не имѣетъ почти никакой. Министерство вполнѣ зависитъ отъ парламента, который можетъ въ одну минуту заставить уйти неугодныхъ ему министровъ.

Тѣ же различія, какія имѣются между ограниченными монархіями по отношенію къ системѣ выборовъ депутатовъ въ парламентъ, имѣютъ мѣсто и между различными республиками. Въ большинствѣ республикъ, конечно, имѣется всеобщее, прямое и равное голосованіе при выборѣ депутатовъ, но есть и такія, напр., большинство республикъ Южной Америки, гдѣ не всѣ граждане имѣютъ голосъ, и гдѣ право выбирать въ

депутаты дано лишь богачамъ, въ другихъ мѣстахъ ученымъ, словомъ, гдѣ буржуазные классы имѣютъ въ этомъ преимущество передъ трудящимся людомъ, который не обладаетъ ни капиталомъ, ни наукой.

Насколько мало демократичны даже республики, не говоря уже объ ограниченныхъ монархіяхъ, можно видѣть изъ того, что почти нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ не имѣютъ права голоса женщины *). Говорите при этомъ про равенство. А соціалисты, рабочіе, крестьяне, говоря о свободѣ, о равенствѣ, всегда имѣютъ въ виду женщинъ, не дѣлая никакого различія между ея правами и правами мужчины.

Такимъ же образомъ есть республики съ одной палатой, есть республики съ двумя палатами, есть республики, гдѣ налоги всецѣло лежатъ на трудящихся классахъ, и другія, гдѣ тяжесть налоговъ распространена болѣе справедливо и на классы буржуазные. Словомъ, есть республики болѣе или менѣе демократичныя и, наоборотъ, другія, гдѣ власть, хотя и числится въ рукахъ народа, но дѣйствительно всецѣло сосредоточена въ рукахъ гдѣ духовенства, гдѣ военныхъ, а гдѣ какъ и вездѣ, впрочемъ, въ рукахъ богачей.

Выходитъ, что недостаточно государству объявить себя республикой и совершенно отдѣлаться отъ всякихъ Богомъ данныхъ царей и королей, чтобы народъ добился счастья, равенства, полной свободы и всей власти. Нѣтъ, республика не соціализмъ, который призванъ со временемъ свергнуть окончательно иго богачей и обезпечить людямъ всѣмъ сравнительное счастье.

Такъ, значитъ, правы либералы, когда они говорятъ, что вопросъ о томъ, останется ли Россія съ царемъ, или сдѣлается республикой, есть вопросъ второстепенный? Было бы, говорятъ они, свергнуто самодержавіе и утвердилась бы какъ слѣдуетъ дума, а тамъ и съ царемъ бы сговорились, и сталъ бы онъ плясать подъ народную дудку, а не народъ подъ его.

---

*) А коли и имѣютъ, то въ небольшихъ государствахъ: въ двухъ штатахъ Австраліи, въ трехъ штатахъ Сѣверной Америки, въ Новой Зеландіи, а съ нынѣшняго года и въ Финляндіи.

Сравните свободу въ Англіи при королѣ и свободу въ южно-американскихъ республикахъ, гдѣ генералы съ войскомъ издѣваются надъ народомъ не хуже русскихъ казаковъ. Значитъ, правы либералы?

Нѣтъ, они не правы, а правы соціалисты, требующіе демократической республики, ни на какія сдѣлки съ царемъ не идущіе и утверждающіе, что въ немъ главное зло. Правы они, говоря это, въ отношеніи всякихъ государствъ и всякихъ царей и вдвойнѣ правы, когда дѣло идетъ о Россіи. Сейчасъ мы увидимъ, какую роль играютъ цари и въ ограниченныхъ монархіяхъ, и почему за нихъ такъ держатся буржуазные классы, т. е. либералы.

XVII. Цари.

Во всѣхъ государствахъ, гдѣ есть цари, хотя бы не самодержавные, а правящіе народомъ совмѣстно съ парламентомъ, либеральныя партіи стоятъ горой за этихъ царей. Республиканцами бываютъ въ монархіяхъ только соціалисты, т. е. представители интересовъ трудящагося люда. А какъ человѣкъ принадлежитъ къ буржуазному классу, живущему и обогащающемуся за счетъ народа—такъ онъ монархистъ. Только въ тѣхъ странахъ, гдѣ республика упрочилась, гдѣ народъ съ ней свыкся, гдѣ нѣтъ никакой надежды на возвратъ къ монархіи — тамъ только и буржуазные классы стоятъ въ рядахъ республиканцевъ. Почему это? На чемъ основана связь богачей съ царями даже въ такихъ монархіяхъ, какъ Англія, гдѣ власть короля повидимому ничтожна?

Не надо забывать, какъ образовывались ограниченныя монархіи. Самодержавіе дѣлалось ненавистно народамъ. Народы разорялись и возставали противъ царей. Цари и всѣ ихъ сторонники уступали болѣе или менѣе во-время и вырабатывали конституцію, по которой граждане получали извѣстныя права, извѣстную свободу. Народы тоже не доводили до конца свою борьбу съ царями и ограничивались правомъ имѣть

голосъ въ управленіи въ видѣ какого-нибудь парламента съ большими или меньшими правами. Этотъ парламентъ, эта конституція являлись всегда соглашеніемъ болѣе или менѣе временнымъ между царями и народами во избѣжаніе дальнѣйшей революціи, которая грозила царямъ окончательной потерей трона, народамъ—слишкомъ для нихъ тяжелымъ кровопролитіемъ.

Но цари оставались царями. Они ни на одну капельку не дѣлались болѣе добрыми, болѣе отзывчивыми на народныя нужды и страданія. Вовсе нѣтъ. Они, скрѣпя сердце, подчиняются народной волѣ настолько, насколько это необходимо, но не больше. Они въ душѣ всѣ продолжаютъ себя считать глубоко оскорбленными тѣмъ, что у нихъ отняты «священныя права самодержавія». Каждый изъ нихъ думаетъ, что «вотъ мой дѣдушка или прадѣдушка былъ самодержавнымъ, онъ все могъ дѣлать со своимъ народомъ, а я вотъ не могу. Меня эта сволочь—такъ цари въ душѣ называютъ народъ—лишила меня моихъ правъ. Это бунтовщики, негодяи».

Такъ думаютъ цари про свои народы и тогда, когда они конституціонны и когда права ихъ весьма ограничены, а они, повидимому, подчиняются конституціямъ своимъ. Конечно, на словахъ они говорятъ про свои народы, что они ихъ любятъ, что они готовы жизнь свою отдать за народъ и т. д., но это одни слова, одна ложь, цѣна которыхъ давно извѣстна самимъ народамъ.

А въ дѣйствительности они не только готовятся всячески противодѣйствовать всякому дальнѣйшему поползновенію народа расширить свои права на счетъ правъ царскихъ, но и мечтаютъ о возстановленіи своихъ старинныхъ правъ, до самодержавія включительно. Не надо забывать, что всѣ конституціи и парламенты, всѣ ограниченія самодержавныхъ царскихъ правъ во всемъ мірѣ—дѣло послѣднихъ какихъ-нибудь ста, а въ большинствѣ случаевъ и пятидесяти съ небольшимъ лѣтъ. Въ одной Англіи конституція существуетъ семьсотъ лѣтъ и короли, послѣ долгихъ

и неоднократныхъ попытокъ вернуть себѣ самодержавіе, покорились своей участи какъ бы искренне и примирились съ ролью показной, не мечтая о томъ, чтобы отобрать у народа прочно имъ завоеванную власть. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ они и нужны? Для чего расходы на царей?

А за пятьдесятъ лѣтъ, да и за сто, естественно, что цари сохранили свои прежнія замашки. Къ нимъ льнутъ всѣ тѣ силы, которыя и прежде окружали престолъ и которыя съ уничтоженіемъ самодержавія потеряли всякую власть, всякое значеніе. Во главѣ ихъ дворяне, которые наиболѣе обездолены. «Сволочь» сидитъ въ парламентахъ. «Сволочь» попадаетъ въ министры и на всѣ чиновничьи мѣста. А между тѣмъ дѣды дворянъ были всемогущи при дѣдушкѣ царя, они занимали лучшія мѣста, грабили народъ, какъ хотѣли, а за царя проливали свою драгоцѣнную кровь. Понятно, что и внуки тѣхъ дворянъ топчутся кругомъ престола царскаго внука и вмѣстѣ оплакиваютъ невознаградимыя потери великихъ правъ самодержавія.

Толчется вокругъ престола и духовенство. Вѣдь цари жили ихъ святыми молитвами, а они жирѣли милостями самодержцевъ. А теперь они чувствуютъ, какъ почва уплываетъ изъ-подъ ихъ ногъ. Молятся они за царей, правда, уже менѣе усердно—чего особенно-то стараться за ограниченнаго монарха?—но все-таки вмѣстѣ справляютъ тризну по потерянным навѣки правамъ.

Эти двѣ силы—дворянство и духовенство—и теперь окружаютъ престолъ и мечтаютъ о старомъ. Богачи-буржуа, тѣмъ мечтать некогда, надо дѣло дѣлать—деньги наживать, да и съ царями-то и прежде у нихъ были отношенія чисто дѣловыя: надо денегъ—бери, а за это дай такое-то право грабить трудящійся людъ. Богачи были въ своихъ отношеніяхъ къ царю просты, не ломались, какъ дворяне и духовенство. Не ломаются они и теперь. Они не стоятъ за самодержавіе, потому что видятъ вредъ его и невозможность возврата къ старому. Они либералы, стоятъ за ограниченную монархію, но отнюдь не за республику. Почему?

Для чего имъ этотъ монархъ, да еще ограниченный въ своихъ правахъ?

А нуженъ имъ монархъ вотъ почему. Они боятся, что народъ отниметъ у нихъ награбленное у того же народа вѣками богатство или по крайней мѣрѣ не дастъ себя грабить впередъ. Сравните это положеніе съ вѣсами. На одномъ концѣ народъ съ своими требованіями, на другомъ царь съ своей дворянско-духовной сворой. Богачи-буржуа рады бы держаться средины—ни нашимъ, ни вашимъ, да народъ перетягиваетъ—тяжеле. Вотъ они и передвигаются къ царскому концу. Ибо и въ царѣ они видятъ силу и силу большую. Сила эта въ войскѣ. Когда цари, торгуясь съ народомъ о правахъ, соглашались на ограниченіе своихъ правъ, то войско они всегда оставляли въ своихъ рукахъ, ибо понимали, что сила тысячи штыковъ можетъ иногда оказаться сильнѣе силы милліона мозолистыхъ невооруженныхъ рукъ народа.

Войска на словахъ въ политику не вмѣшиваются въ ограниченныхъ монархіяхъ. На дѣлѣ же войска въ рукахъ царя. Ограниченные цари тоже съ малолѣтства воспитываются по-военному, носятъ мундиръ военный, а выростутъ—командуютъ арміями и флотами. Выходитъ, что на дѣлѣ войско всегда теперь за царей. Такъ и обучаютъ войска присягами да дисциплинами, точно такъ же, какъ и въ самодержавныхъ царствахъ. Войско выходитъ и въ ограниченныхъ монархіяхъ царскимъ, а не народнымъ. Это въ своихъ конституціяхъ народы проглядѣли и недостаточное удѣлили этому вниманіе. Ихъ убаюкивали цари и прочіе народные враги словами, что сильное войско можетъ быть только въ рукахъ одного человѣка—царя, а что сильное войско нужно для охраны государства противъ внѣшняго врага. А вышло, что сила-то войска нужна нашимъ царямъ. Вотъ она гдѣ сила царей, вотъ почему и богачи-буржуа льнутъ къ царямъ. И выходитъ, что за царей ограниченныхъ стоитъ вся та же сила, что и за самодержавныхъ—духовенство и дворянство, войско, богачи.

Теперь подумайте, что будетъ, если сознаніе кон-

стиціоннаго народа дойдетъ до того, что большинство въ палатѣ будетъ состоять изъ соціалистовъ? Депутаты потребуютъ народу землю, капиталы. Издадутъ такіе законы, что не будетъ народъ работать до изнеможенія, чтобы богачи пользовались плодами его работы. Сдадутся богачи? Нѣтъ, они не сдадутся. Они сплотятся вокругъ престола царскаго, попы начнутъ читать свои поминанія и взывать къ Богу, чтобы онъ помогъ раздѣлаться съ народомъ, а войско будетъ стрѣлять въ народъ... И польется опять кровь... И кто знаетъ, легко ли побѣдитъ народъ или нѣтъ. Конечно, рано ли, поздно ли, побѣда будетъ за народомъ, но когда? Сколько прольется священной крови народной! Не замечтаютъ ли цари о возстановленіи хоть на время прежняго самодержавія? Кто знаетъ!..

Не надо забывать, что нѣтъ того преступленія, на которое не были бы способны цари. Возьмите въ примѣръ французскаго короля Людовика XVI. Когда народъ французскій ограничилъ его въ правахъ, онъ, даромъ, что оставался на престолѣ, не погнушался, ради возстановленія своего самодержавія, обратиться къ сосѣднимъ царямъ, прусскому королю и императору австрійскому, чтобы они дали ему войско... Противъ кого?... Противъ его же французскаго народа. Правда, народъ побѣдилъ враговъ, а у короля за измѣну отечеству отрубилъ голову. Но удалось же его роду опять, правда, на недолгое время, вернуть себѣ престолъ, опять-таки съ помощью иностранныхъ войскъ.

А русскій царь? Еще недавно онъ велъ переговоры съ австрійскимъ и германскимъ императорами относительно сокращенія смуты въ Россіи ихъ войсками и о занятіи ими Польши. Пока, впрочемъ, онъ обходится своими средствами, но еще неизвѣстно, не придетъ ли время, когда нѣмцы будутъ помогать Николаю Романову разстрѣливать русскій народъ. Довольно пока съ него, что попытку въ этомъ направленіи онъ уже сдѣлалъ!

Вотъ для чего нужны цари не только консерваторамъ, духовенству и дворянству, но и либеральной буржуазіи! Вотъ почему и для чего они надуваютъ

народъ, говоря ему: «Оставьте царя, онъ большой роли не играетъ. Это не важно, будетъ ли ограниченная монархія или республика. Важна конституція, конечно, демократическая, а царя оставьте. Народъ въ него вѣритъ... и пусть себѣ. Это не бѣда».

Лгутъ они, негодяи, притворяются! Они знаютъ силу царя, знаютъ, что вокругъ него собирается при случаѣ вся темная сила, что давитъ народъ, знаютъ и на всѣ уступки пойдутъ народу, лишь бы оставили имъ царя. Царь не только самъ народный врагъ, онъ еще то знамя, вокругъ котораго собираются при случаѣ всѣ народные угнетатели и кровопійцы.

Цари опасны не только на престолѣ при ограниченной монархіи, они опасны всегда, даже когда ихъ смѣстятъ совсѣмъ съ престола и замѣнятъ республикой. Возьмемъ ту же Францію. Были въ ней короли и императоры. Народъ ихъ прогналъ и вотъ около сорока лѣтъ пользуется республикой. Угомонились цари? Нѣтъ! Цари-то умерли, а наслѣдники ихъ до сихъ поръ интригуютъ, чтобы вернуть себѣ престолъ. Подкупомъ, посулами, а главное стараніями духовенства и дворянства, они сохранили довольно сильныя партіи, которыя имѣютъ даже своихъ представителей въ палатѣ депутатовъ. Конечно, они убѣждены, что такъ они престолъ не получатъ, ибо народъ слишкомъ хорошо созналъ, насколько ему лучше при республикѣ, но они ждутъ, когда съ Франціей случится какое-нибудь несчастье въ родѣ войны несчастной или революціи, чтобы сдѣлать попытку вернутъ себѣ престолъ съ помощью своихъ приверженцевъ, а то и опять-таки иностранныхъ войскъ. И лишенные престола, и въ изгнаніи страшны цари, вѣчно страшны и даже внуки ихъ для спокойствія страны!

XVIII. Президенты республики.

Мы видѣли, что и ограниченныя монархіи бываютъ болѣе демократичны и менѣе демократичны и что республики тоже не одинаковы въ этомъ отношеніи, при-

чемъ въ иныхъ власть въ рукахъ всего народа, а въ другихъ до власти допущенъ не весь народъ, а лишь буржуазный классъ. Поэтому, не говоря болѣе вообще о республиканскомъ строѣ, мы остановимся на лицѣ президента республики и на разницѣ между президентомъ и царемъ.

По своимъ правамъ, по власти президентъ не отличается ничѣмъ отъ ограниченнаго монарха. Поэтому, какъ мы тоже видѣли, нечего бояться за то, что у президента не будетъ власти.

Царь восходитъ на престолъ по праву своего рожденія. Какой бы онъ ни родился, онъ царь по рожденію: больной, слабый, глупый, злой, упрямый, невѣжественный, развратный, лѣнтяй, идіотъ даже—никуда не годился бы, въ старосты сельскіе; куда въ старосты? Въ работникахъ никто держать бы не сталъ, а въ цари онъ годится. Онъ царствуетъ, распоряжается, управляетъ милліонами подданныхъ. Ну, развѣ это не нелѣпость? И не несчастье для народовъ, что они продолжаютъ вѣрить въ божеское происхожденіе власти какого-нибудь злого идіота?

Помимо всего этого, если царь и родится обыкновенный, не злой и не идіотъ, то его воспитаніе среди дворянъ и духовныхъ, среди понятій, враждебныхъ народу, дѣлаетъ изъ него народнаго врага и притѣснителя.

Другое дѣло президентъ. Президентъ выбирается различно: либо всѣмъ народомъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, либо избранными народомъ въ палаты депутатами и сенаторами, какъ во Франціи. Выбранъ можетъ быть всякій гражданинъ, какого бы онъ ни былъ происхожденія. Такъ, въ Америкѣ былъ президентомъ Авраамъ Линкольнъ, бывшій дровосѣкъ. Тамъ же былъ президентомъ Джонстонъ—портной. Во Франціи недавно былъ Лубе—крестьянинъ. Онъ былъ президентомъ великой республики, а мать его въ деревнѣ такъ и ходила въ крестьянскомъ нарядѣ. Понятно, что народъ не выберетъ дурака или негодяя, а выберетъ лучшаго человѣка, такого, котораго считаетъ своимъ другомъ, а не врагомъ. Если, къ примѣру, на-

родъ и выберетъ человѣка неподходящаго, то вѣдь это еще полъ-бѣды: отходитъ президентъ свой срокъ, и... можно выбрать другого. Да, наконецъ, если онъ очень уже окажется нехорошимъ, его можно заставить уйти до срока. Такъ, во Франціи былъ президентъ Греви. Онъ проворовался. Тогда онъ долженъ былъ подать въ отставку до срока, до того его отовсюду окружили презрѣніемъ.

Очень похоже все это на отношенія старшины къ волости. Есть у старшины власть? Есть, конечно, и очень даже большая, даромъ, что онъ выборный. А можетъ старшина остаться на зло всей волости? Конечно, нѣтъ. Такъ и президента заставить уйти всегда можно.

А кабы кто предложилъ, чтобы въ волости былъ старшина по рожденію, чтобы такъ и шло отъ отца къ сыну, какъ съ царями? Да такого человѣка дуракомъ бы назвали. Значитъ, волостью нельзя управлять первому попавшемуся, а надо, чтобы крестьяне выбирали старшину. А управлять цѣлымъ государствомъ можетъ любой только потому, что онъ рожденъ отъ такого же, какъ и онъ, большею частью, негоднаго царя! Ну, развѣ это не нелѣпость?

Президентъ получаетъ власть на нѣсколько лѣтъ и за это время не успѣваетъ, конечно, окружить себя дворомъ, какъ цари. Вокругъ царей сотнями лѣтъ образовались цѣлыя массы всякихъ придворныхъ прихлебателей, преданныхъ ему не за страхъ только, но и за совѣсть. У царей бываетъ иногда очень многочисленная родня. При каждомъ родственникѣ свои приближенные, свой дворъ. За каждаго придворнаго цѣпляется кучка людей пониже, которые тоже живутъ милосердіемъ свыше. И вся эта свора сосетъ народную кровь, купается въ ней, выматываетъ изъ народа жилы безъ жалости и безъ состраданія. Вокругъ президента всего этого нѣтъ. Къ нему не будутъ льнуть, какъ къ царю, разные тунеядцы. Дѣятельность его на виду. Онъ знаетъ, что сегодня онъ президентъ, завтра простой гражданинъ.

Теперь подумайте, чего стоитъ царь съ своей род-

ней и дворней народу! И сравните это съ расходами на президента республики. Всѣ цари владѣютъ несмѣтными богатствами. Все это награблено при самодержавіи. Но вѣдь и въ ограниченныхъ монархіяхъ на нихъ тратится масса народныхъ денегъ. Вѣдь когда царь сохраняется, когда народъ соглашается войти съ нимъ въ сдѣлку, то вѣдь подразумѣвается, что царь остается царемъ. А что за царь, коли онъ не бросаетъ направо и налѣво милліоны, коли у него нѣтъ дюжины дворцовъ, гвардіи, пловучихъ дворцовъ въ видѣ яхтъ, коли онъ не даетъ баловъ, обѣдовъ на сотни и тысячи гостей, коли онъ не окруженъ тысячами придворныхъ въ золотѣ и брилліантахъ?

И все это есть у царей всего міра. И парламенты на все это отпускаютъ десятки милліоновъ. Считается понятнымъ, чтобы народъ самъ голодалъ, а царь получалъ столько, что никто не сумѣетъ этого израсходовать. Мало того, что это считается понятнымъ, не принято даже говорить объ этихъ расходахъ въ парламентѣ. Хоть и съ ограниченной властью монархъ коронованный, мѵромъ помазанный—къ нему относятся буржуа съ дѣланнымъ уваженіемъ: пригодится, молъ, со временемъ, и не жалѣютъ на него народныя денежки.

Другое дѣло президентъ республики. Онъ получаетъ жалованье, и больше ничего. Въ самой большой и могущественной республикѣ въ свѣтѣ — Соединенныхъ Штатахъ Америки—президентъ получаетъ 100.000 рублей въ годъ, въ сто разъ меньше, чѣмъ конституціонный англійскій король, и въ 500 разъ меньше, чѣмъ стоитъ Россіи ея царь.

Два-три адъютанта, два-три чиновника при президентѣ, одинъ дворецъ въ столицѣ—вотъ и вся роскошь президента. Два-три бала у него въ годъ, и то, когда къ нему пріѣзжаютъ въ гости цари другихъ странъ—вотъ и всѣ торжества. Какъ далеко это отъ сплошного празднества царей, отъ этихъ конюшенъ съ сотнями лошадей и десятками золотыхъ каретъ, отъ этихъ охотъ съ цѣлыми полками охотниковъ и громадными сворами собакъ!

Независимо отъ зла, которое царь съ самой ограниченной властью можетъ при случаѣ сдѣлать народу, онъ, даже когда вполнѣ безопасенъ для народа, является самой дорогой игрушкой, какую народъ можетъ себѣ позволить. Но въ куклы и въ игрушки играютъ люди лишь въ дѣтскомъ возрастѣ. Когда подрастаютъ, они свои игрушки бросаютъ куда попало, чтобы на глаза не попадались. Такъ будетъ и съ царями; пока народы еще недостаточно сознательны, пока ихъ забавляетъ видѣть эту царскую роскошь, эти выѣзды, эти парады, пока они слушаютъ сказки, которыя имъ разсказываютъ попы про добрыхъ царей, они тѣмъ самымъ доказываютъ, что они еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Выростутъ, они прогонятъ этихъ дорого стоющихъ человѣчиковъ, причинившихъ имъ столько слезъ и страданій, и велятъ имъ на глаза не попадаться...

XIX. Республика въ Россіи.

Ну, а какъ дѣло стоитъ въ Россіи? У насъ идетъ теперь такая смута, какая почти нигдѣ не бывала за границей. Смута эта такова, что ей конца еще не видать. Царь русскій оказался такимъ жестокимъ, какого трудно подыскать подобнаго въ исторіи народовъ. Нигдѣ царь такъ открыто не становился во главѣ черной сотни, какъ Николай II Романовъ. Нигдѣ не пролито столько крови.

Опытъ съ конституціей какъ бы ужъ сдѣланъ. Дума собиралась, но была разогнана. Царь явно обманулъ народъ. Вѣрить ему больше нельзя. Уже теперь его министры нагло говорятъ, что если вторая дума будетъ непокорная, то и ее разгонитъ царь!

Очевидно, значитъ, царь въ думѣ хочетъ имѣть не волю народную, съ которой бы онъ сообразовался, а людей, которые бы ему поддакивали и скрывали бы его грабежи и грабежи министровъ и генераловъ. Словомъ, царь хочетъ править самодержагно попрежнему. Все остальное—ложь.

То же и съ землею. Чѣмъ дать трудящемуся народу

всю землю, онъ велѣлъ продавать ему часть казенныхъ земель и часть своихъ собственныхъ черезъ земельный банкъ. Словомъ, ему захотѣлось подороже продать свою земельку, а на шею крестьянъ взвалить новую непосильную тяжесть въ видѣ платежей крестьянскому банку. Не лучше, конечно, и фабричному люду. Царь не только отказывается ему помочь, но, наоборотъ, всѣ войска свои всегда держитъ къ услугамъ фабрикантовъ.

Народъ страдаетъ, истекаетъ кровью и продолжаетъ требовать себѣ земли и воли. Царь рѣшился на всѣ ужасы кровавой бойни, лишь бы все осталось постарому. Онъ назначилъ министрами и генералъ-губернаторами самыхъ лютыхъ звѣрей, какіе у него были, велѣлъ всю смуту, все народное сознаніе залить кровью, не разбирая виноватыхъ и невинныхъ, а самъ охотится на зайцевъ, дрессируетъ комнатныхъ собачекъ и проводитъ время за виномъ и кутежами.

И вотъ богачи-либералы въ думѣ хотятъ примирить народъ съ такимъ царемъ. Они собрались подъ именемъ «партіи народной свободы» и уговариваютъ народъ успокоиться, если царь дастъ думу, а царя надѣются упросить не гнаться за самодержавіемъ, а править вмѣстѣ съ думой, какъ за границей, ограничивъ добровольно свои права.

Самодержавія своего царю уже не вернуть. Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, годъ, много два, и войско перестанетъ же, наконецъ, разстрѣливать своихъ, а народу все равно помирать, что съ голоду, что отъ солдатскихъ пуль—народъ не уймется. Что же сдѣлаетъ царь, когда войска стрѣлять не будутъ, когда казна окончательно опустѣетъ? Онъ самъ тогда захочетъ примириться съ народомъ, онъ радъ будетъ дать какую угодно думу, лишь бы сохранить свой престолъ...

Тогда-то либералы закопошатся пуще прежняго и тоже начнутъ давить на русскій народъ, чтобы онъ согласился, будутъ убѣждать его, что не въ самомъ царѣ зло, а въ самодержавіи.

И тутъ-то придется русскому народу вспомнить все, что мы сказали о царяхъ вообще, придется ему убѣдиться, что все сказанное нами въ гораздо большей

мѣрѣ относится еще къ русскому царю, нежели ко всѣмъ остальнымъ.

Неужели послѣ всего происшедшаго русскій народъ повѣритъ царю на слово? Неужели можно усомниться, что вокругъ царскаго престола будетъ вѣчно собираться вся масса народныхъ враговъ, которые будутъ стараться и при конституціи его морочить и заставлять работать не на себя, а на нихъ?

Теперь богачи народа боятся, потому что онъ волнуется, но если, какъ они хотятъ, онъ успокоится, повѣривъ царской думѣ, то вѣдь тогда опять легко будетъ вертѣть имъ по своему. Полуторастомилліонный народъ не такъ-то легко поднимается. Поэтому, разъ онъ уже возсталъ, нечего ему успокаиваться на полдорогѣ, а нужно отдѣлаться навсегда отъ своихъ угнетателей. Иначе пройдетъ десять-пятнадцать лѣтъ, и снова придется проливать потоки крови, чтобы окончательно развязаться съ Романовыми.

Вояться, что безъ царя власти не будетъ въ Россіи, что ее легко побѣдятъ враги—болѣе чѣмъ смѣшно. Вѣдь царь, а никто иной довелъ ее до того, что ее побѣдили японцы. Вѣдь при царѣ она дошла до того, что никто въ Европѣ и считаться-то не хочетъ съ нею. Какая же тутъ власть? Царь оказался хорошъ воевать со своимъ собственнымъ безоружнымъ народомъ. Но развѣ это власть сильная въ томъ смыслѣ, какъ ее хочетъ русскій народъ? Русскій народъ хотѣлъ имѣть царя, чтобы онъ шелъ съ народомъ, чтобы онъ объединилъ народъ, когда понадобится защитить русскую землю отъ нашествія врага. Но оказалось, что русскій царь не съ народомъ пошелъ, а противъ народа. Нѣтъ, не такой власти намъ нужно!

Оставить себѣ русскаго царя, когда можно отъ него разъ навсегда отдѣлаться, русскій народъ не долженъ. Зло надо вырвать съ корнемъ, а корень русскаго зла—царь. Останется царь—вѣчно будутъ вокругъ него ютиться всякіе дворяне, бывшіе чиновники, архіереи, всякіе тунеядцы, которые будутъ строить планы, какъ бы опять поработить постарому русскій народъ.

А что намъ будетъ стоить русскій царь? Вѣдь нигдѣ не развилось у царей столько родственниковъ, какъ у нашего. Цѣлая полсотня великихъ князей и княгинь, привыкшихъ сосать народную кровь, не перестанетъ ее сосать и послѣ, при конституціи. Нѣтъ, съ корнемъ надо вырывать бурьянъ, а то скоро опять вырастетъ!

Надо твердо помнить одно: пока царь будетъ во главѣ Россіи, пока онъ будетъ распоряжаться войскомъ, дума будетъ одинъ обманъ, одинъ отводъ глазъ. Народъ ничего не получитъ отъ царской думы.

Не надо забывать главнаго: что вѣдь и демократическая республика не есть спасеніе для трудящагося народа. Спасеніе въ соціализмѣ, когда земля, фабрики, дома, капиталы будутъ принадлежать не отдѣльнымъ лицамъ, а всему народу. Но чтобы добиться своего, чтобы побѣдить богачей-буржуа, нужна народу свобода. А свободу настоящую, не буржуазную онъ получитъ только при трудовой или соціальной республикѣ. При царѣ, хотя бы и ограниченномъ въ своихъ правахъ, свободы для русскаго народа быть не можетъ. Русскій народъ долженъ получить всю землю, всѣ фабрики, всѣ заводы, всѣ богатства, а ихъ онъ не получитъ иначе, какъ при трудовой республикѣ. Не можетъ дать земли, фабрикъ и капиталовъ царь-помѣщикъ, фабрикантъ, капиталистъ самъ и другъ всѣхъ богачей.

Трудовая республика нужна русскому народу и для того, чтобы добиться свободы и для того, чтобы получить землю, фабрики, заводы и капиталы. Повѣривъ своимъ врагамъ-богачамъ, пошедши, по ихъ совѣту, на сдѣлку съ царемъ, народъ самъ себя погубитъ. Разъ онъ созналъ, что такъ жить дольше нельзя, что главный врагъ его—царь, онъ долженъ итти до конца, т. е. до соціализма.

А конецъ—это трудовая республика—полное народовластіе и завладѣніе народомъ всѣми богатствами. А путь къ ней—вооруженное возстаніе и завладѣніе самимъ народомъ на мѣстахъ землею, фабриками и капиталами. Народные комитеты, побѣдоносные про-

летаріатъ и трудовое крестьянство, завладѣвъ всею властью на мѣстахъ, неизбѣжно должны будутъ прибѣгнуть къ всероссійскому трудовому учредительному собранію, т. е. собранію народныхъ представителей, выбранныхъ всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ безъ различія національности, вѣроисповѣданія и пола. Учредительное собраніе, созванное не царемъ, а самимъ поднявшимся народомъ, когда царь будетъ уже свергнутъ и не будетъ давить на выборы, учредительное собраніе, имѣющее полное право распоряжаться судьбами Россіи, т. е. 1) издавать законы, въ томъ числѣ и основные; 2) судить всѣхъ, причинившихъ своими злодѣяніями вредъ русскому народу, въ томъ числѣ не только министровъ и генераловъ, но и царя, царицъ и великихъ князей; 3) опредѣлить на будущее время, какъ должна управляться Россія самимъ народомъ.

Вотъ такое учредительное собраніе, свободно избранное, выражающее волю всего народа, обладающее полнотою всѣхъ возможныхъ человѣческихъ правъ— такое учредительное собраніе, а не царь съ выбранной при военномъ положеніи думой, не только рѣшитъ навѣки судьбу Россіи, но и призоветъ царя къ отвѣту за его преступленія.

Учредительное собраніе утвердитъ въ Россіи трудовую республику и откроетъ путь къ полному соціализму.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія К. Н. Зинченко. Екатеринославская, 19

GAYLORD
BROS., INC.
Manufacturers
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

YC 12268

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C045893322

M303852

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY